

ДУГЛАС КЕННЕДИ

История
одной измены

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Загадочно. Пленительно. Волнующе

РИПОЛ КЛАССИК

Красивые вещи

Дуглас Кеннеди
Крупным планом

«РИПОЛ Классик»

1997

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Кеннеди Д.

Крупным планом / Д. Кеннеди — «РИПОЛ Классик»,
1997 — (Красивые вещи)

ISBN 978-5-386-14514-9

Он мечтал стать профессиональным фотографом, а оказался удачливым клерком с Уолл-стрит. Дом в богатом пригороде, крупный счет в банке, карьерный рост, любящая жена и двое маленьких детей... А это значит, что жизнь удалась. Но настоящий мастер интриги, Дуглас Кеннеди неожиданно делает крутой поворот. Бен Брефорд узнает, что жена ему неверна. Случайная встреча с соперником заканчивается трагедией. И теперь Бен просто вынужден изменить свою жизнь. Он начинает жестокую игру с судьбой. И мы можем только гадать о том, кто окажется победителем... Блистательный, стремительный, напряженный и энергичный психологический триллер от Дугласа Кеннеди выходит за границы жанра и ставит перед читателем весьма неожиданные вопросы. Книга содержит ненормативную лексику В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-14514-9

© Кеннеди Д., 1997
© РИПОЛ Классик, 1997

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Глава пятая	41
Глава шестая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дуглас Кеннеди Крупным планом

Серия «Красивые вещи»

Перевод с английского Т. П. Матц

© Douglas Kennedy, 1997

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2012

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Бойся потерять сущее, хватаясь за тень.
Эзон

Часть первая

Глава первая

Четыре часа утра. Я не мог выспаться уже несколько недель, а ребенок снова плакал.

Меня разбудил не ребенок, потому что я пилился в потолок уже несколько часов, когда он начал орать. Но от недостатка нормального отдыха я чувствовал себя таким разбитым, что не мог подняться с постели. Я неподвижно лежал, пока Джош напрягал свои трехмесячные легкие, достигая новых высот.

В конце концов его непрерывные завывания отчасти пробудили мою жену Бет. В полудреме она пихнула меня локтем и заговорила со мной в первый раз за последние два дня:

– Разберись с ним.

Затем она перевернулась на другой бок и закрыла голову подушкой.

Я послушался приказа, хотя двигался неуверенно, еле-еле. Я сел. Спустил ноги на пол. Протянул руку к полосатому халату, который валялся на стуле около кровати. Надел его на такую же полосатую пижаму, туго завязал пояс. Пошел к двери и открыл ее. Мой день начался – хотя на самом деле он и не кончался.

Детская находилась напротив нашей спальни. До последней недели Джош спал в нашей комнате. Но этот ребенок разительно отличался от нашего старшего сына – четырехлетнего Адама, который в два месяца уже стал спокойно спать по ночам. Джош явно страдал бессонницей. Он отказывался спать больше двух часов подряд, а когда просыпался, требовал своими пронзительными воплями нашего полного внимания. Мы перепробовали практически все, чтобы заставить его проспать восемь часов без перерыва: не давали ему спать допоздна вечером, ублажали его двумя бутылками молока, чтобы он не проголодался среди ночи, давали ему максимально разрешенную дозу детского лекарства. Ничего не помогало. Вот тогда мы и решили переселить его в детскую, предположив, что в одиночестве он будет спать лучше. Где там! Три часа оставались максимальным сроком, на который он освобождал нас от своих воплей.

За двадцать недель его коротенькой жизни нам с Бет еще не выпало насладиться спокойной ночью. В последнее время я пытался убедить себя, что наши истрепанные нервы, наше взаимное раздражение были главными причинами наших споров – эта напряженность привела к довольно гадкому эпизоду два дня назад, когда Бет не сдержалась и ядовито обозвала меня потерявшим всякий стыд человеком. Естественно, я не собирался оставлять такое оскорбление без ответа и в свою очередь назвал ее вздорной бабой.

Сорок восемь часов спустя после этой перебранки она все еще со мной не разговаривала. Точно как в прошлом месяце, когда она объявила мне молчаливый бойкот на все выходные после ссоры по поводу нашего счета в «Америкен Экспресс». И так же было за два месяца до этого, когда она, еще не совсем оправившись от послеродовой депрессии, обвинила меня в том, что я самый эгоистичный тип в ее жизни.

Так что не спал я по ночам не только из-за воплей младенца Джоша. Сюда примешивалась еще и куча разных мелочей. Как, к примеру, этот дом. Я теперь этот дом ненавидел.

Нельзя сказать, что в нем имелось нечто такое, из-за чего его стоило ненавидеть. Наоборот, он был классическим американским пригородным домом, которым гордились бы многие горожане: двухэтажный, обшитый белой доской дом в колониальном стиле, с темно-зелеными ставнями, четырьмя спальнями, кухней со столовой зоной, большой семейной комнатой в подвале, участком сзади в пол-акра и отдельным гаражом на две машины. Запрашиваемая цена была \$485 000, но этому уголку Коннектикута здорово досталось во время рецессии,

так что в 1991 году нам удалось купить его за \$413 000. В то время некоторые мои коллеги говорили, что я совершил «потрясающую сделку», но я, когда подписывал документы вместе с Бет, думал только о том, что мы стали архитекторами своей собственной тюрьмы.

Как и все комнаты в доме, спальня Джоша отделана строганой сосной в раннеамериканском стиле. Спит он в колониальной люльке из красного дерева, *circa* 1782. Памперсы ему меняют на комод из сосны, обнаруженный в старой гостинице. Когда он подрастет, он сможет сидеть в маленьком кресле-качалке, которое когда-то вмещало зад маленького Натаниэла Готорна¹, и играть с целым набором старинных тряпичных кукол, которые, без сомнения, скрашивали дни Гарриет Бичер-Стоу, когда она писала «Хижину дяди Тома».

Откуда я знаю всю эту чушь собачью насчет мебели в комнате моего сына? Разумеется, от Бет. Через два года после переезда из города она избавилась от всех удобных, функциональных вещей, которые мы приобрели в хозяйственном магазине, и объявила, что теперь все у нас будет в колониальном стиле. Для Бет эти слова значили не поездку в ближайший магазин Этана Аллена и приобретение нескольких крученых-верченых уильямсбергских стульев. Ни в коем случае: всё в нашем новом доме должно было быть подлинным, что означало путешествия по всем антикварным лавкам отсюда до Нью-Лондона в поисках настоящих кроватей шейкеров², подлинных стульев из молельного дома в Провиденсе и так далее. Каждый предмет должен был иметь свою собственную родословную. Если верить Бет, Томас Джефферсон трахал одну из своих любовниц на нашей оттоманке. А три подлинных предмета из Новой Англии были напрямую связаны со сводной сестрой Дэниела Вебстера³... или то была его слепая племянница? (Я забываю такие вещи.)

Бет на этой своей страсти к подлинным вещам помешалась. Страсть оказалась дорогостоящей: например, она полностью съела прошлогоднюю рождественскую премию в \$79 000. И все же я позволил ей эту роскошь, потому что она занимала ее мозги и время в период глубокой депрессии. И некоторое время возможность покупать все встретившиеся диковины гасила ее расстройство. Но со временем ей надоели залы аукционов и маниакальная погоня за набором однотипных оригинальных отпечатков Одюбона⁴. Дом был полностью меблирован. Он представлял собой триумф коллекционера. Когда к нам приходили друзья, она могла часами разглагольствовать о фарфоровой чашке для бритвы 1789 года рождения, которая когда-то принадлежала морскому капитану из Ист-Сэндвича, Массачусетс. Хотя Бет никогда мне этого не говорила, я знал, что она втайне презирует все, что сама создала, – поняла, что это была всего лишь отвлекающая тактика, призванная заставить ее забыть о некоторых неприглядных истинах. Как и я, она теперь ненавидела этот дом... и все, что он собой воплощал.

Когда я добрался до люльки, Джош орал оглушительно – призывный крик превратился в безутешный вой. Когда Адам был в таком возрасте, успокоить его можно было тремя способами: сунуть в рот выпавшую пустышку, покачать или вынуть пустышку и сунуть в рот соску от теплой бутылочки. Но Джош – твердый орешек. Он обожает орать. И ему определенно плевать на эти приемы с пустышкой и бутылочкой. С ним надо час ходить по комнате. Постоянно развлекать его пением. Если вы посмеете дать голосу передохнуть хоть минуту, он завопит снова. Если осмелитесь сесть в кресло, вопли возобновятся немедленно. Он настоящий террорист, и не пойдет на уступки, пока вы не удовлетворите все его требования.

Я прочесал пол в поисках пустышки, которую он сбросил. Когда я ее нашел (под комодом), я облизал ее, таким образом простерилизовав, и снова сунул ему в рот. Затем я вытащил его из глубин люльки, пристроил его на плече и начал фальшиво напевать «Моргай, мор-

¹ Натаниэл Готорн (1804–1864) – новеллист, один из первых общепризнанных мастеров американской литературы.

² Шейкеры – протестантская религиозная секта в США, возникла в 1747 году.

³ Дэниел Вебстер (1782–1852) – американский государственный деятель.

⁴ Джон Джеймс Одюбон (1785–1851) – американский натуралист, орнитолог, знаменитый художник-анималист.

гай, звездочка». Он тут же выплюнул пустышку и снова завыл. На лестнице, на полпути вниз, пустышка опять оказалась на полу. Увидав ожидавшую в микроволновке бутылочку, он едва не разнес в клочья мои барабанные перепонки за те невероятно длинные двадцать секунд, которые потребовались, чтобы подогреть молоко.

Адам был идеальным ребенком – вроде тех очаровашек, которых можно увидеть в слюнявой рекламе памперсов. Но Джош – это глыба. Маленький боксер-профессионал. Слишком большая голова, нос боксера и характер питбуля. Разумеется, я его люблю... но я все еще не уверен, что он мне нравится. Он меня беспокоит, и не только из-за того, что все время плачет и, похоже, не радуется своему появлению на белый свет. Боюсь, что это еще и потому, что он является еще одним тюремщиком, в придачу к дому. Один мой друг выразился очень четко: когда рождается ваш первый ребенок, вы верите, что у вас есть пространство для маневра, что вы не погрузились слишком глубоко в жизнь, полную закладных. Но когда на свет появляется второй ребенок, вы уже вполне состоявшийся семейный человек. И у вас куча обязанностей. И вы знаете, что никогда больше не будете вольным существом, свободно парящим в безбрежном мире.

Разумеется, у меня есть и другое объяснение бесконечному реву Джоша: он всего лишь реагирует на вражду между родителями. Детки такие вещи чувствуют. Даже в пять месяцев они обладают невероятно чуткими антеннами. Адам тоже хорошо понимает, что его родители не ладят. Каждый раз, когда мы с Бет ругаемся – или долго изводим друг друга молчанием, – я ощущаю его страх, вижу, как его большие серые глаза умоляют нас снова полюбить друг друга. Я не могу выносить терзания этого маленького существа, его молчаливую мольбу о мире в семье, потому что это возвращает меня на тридцать четыре года назад, когда мне было столько же лет, сколько Адаму, и я так же беспомощно наблюдал, как мои родители рвут друг друга на части.

Как только Джош видит, что я достал нагретую бутылочку из микроволновки, он начинает хлопать руками, пока я не дам ее ему. Затем я поддвигаю кухонный стул и сажусь, прижимая его к себе, пока он с жадностью ест. У меня впереди по крайней мере пять минут тишины – столько ему требуется времени на бутылку, – и свободной рукой я нажимаю на кнопку дистанционного пульта, включая маленький телевизор, стоящий сверху на полке. Никогда бы не поверил, что вынужден буду жить в доме, где в кухне телевизор, но Бет уверила меня, что он очень пригодится для просмотра кулинарных программ, так что я не стал спорить (хотя мне и хотелось напомнить ей, что корпорации «Сони» в пору Войны за независимость еще не было на свете). Как и остальные три телевизора в доме, этот подключен к кабельному телевидению, так что я сразу же перевел его на новости, точнее, на Си-эн-эн.

Экран ожил, и я сразу же увидел кое-что, заставившее меня поморщиться. Вернее, не кое-что, а *кое-кого*. Ее звали Кейт Бриммер, сейчас она была военным корреспондентом Си-эн-эн. Одетая в дизайнерскую камуфляжную форму и бронежилет, она вела репортаж из разрушенного госпиталя в Сараево. За ее спиной бригада хирургов ампутировала ногу солдату. У них было так плохо с медикаментами, что они оперировали без анестезии. На фоне печального, но бесстрастного голоса комментатора (традиционная фишка Кейт) были явственно слышны вопли несчастного. Я заметил, что ее пышные каштановые волосы слишком хорошо уложены для зоны боевых действий. Хотя она всегда заботилась о своих волосах. Когда мы жили вместе во время учебы в колледже, она их постоянно расчесывала. И всегда появлялась на занятиях одетая по последней моде и вооруженная умными, но довольно легковесными вопросами, которые польстят тщеславию профессора-мужчины и позволят ему с блеском проявить себя. Даже в те годы она уже была хитроумным политическим игроком. Она понимала, будучи женщиной с большими амбициями, что на ее пути к достижению цели флирт будет безвкусным, хотя и обязательным, оружием. Я припоминаю, как она лежала в постели одним дождливым воскресным вечером, перебирая взятые из библиотеки книги Марты Геллхорн, Орианы Фал-

лачи и Фрэнсис Фицджеральд – трех великих, с ее точки зрения, женщин – военных корреспондентов за последние сорок лет.

– Когда-нибудь и я напишу такие же мемуары, – как бы между прочим заявила она, абсолютно уверенная в своей профессиональной судьбе. Затем подняла вверх несколько военных фотографий великого Роберта Капа и добавила: – А ты будешь таким же, как этот парень.

Джош неожиданно швырнул бутылочку на пол – таким образом он обычно показывал, что уже напился. Через пару секунд возобновился ор, который постепенно достиг таких децибелов, что грозил разбудить Бет и Адама. Поэтому я снова пристроил его на плече, открыл дверь рядом с холодильником и спустился по ступенькам в подвал.

Подвал стал моим убежищем – моим островом уединения, наполненным всевозможными техническими изысками. Бет называла его «место для твоих игрушек».

Он был небольшим – примерно шестнадцать футов на двенадцать, с двумя маленькими помещениями помимо основной комнаты. Однако я думаю, что сумел очень хитроумно использовать всю эту площадь. Это был единственный уголок в доме, который Бет не удалось испортить под Марту Вашингтон: подвал был обшит выбеленным деревом и застелен серым ковром в крапинку. Светильники были утоплены в потолке. Спускаясь по ступенькам, вы первым делом видели мой мини-спортзал: машину для лыжных пробежек по пересеченной местности, велотренажер и беговую дорожку. Я стараюсь проводить там по меньшей мере сорок минут каждое утро, чтобы оставаться в форме и не переходить за 175 фунтов в весе. Мой врач уверяет, что это идеальный вес для некурящего мужчины в тридцать восемь лет, ростом в пять футов одиннадцать дюймов с уровнем холестерина в 5.5. Он всегда хвалит мою способность оставаться стройным. Но, возможно, я сохраняю приличную форму только потому, что каждый раз, когда мне хочется пробить стену кулаком, я спускаюсь вниз и выплескиваю свою ярость, бешено отжимаясь от пола.

А еще я слушаю музыку. У меня более 1200 дисков, которые я храню во вращающемся стеллаже из американской вишни высотой в семь футов. Он был сделан на заказ краснодеревщиком из маленького городка в Коннектикуте под названием Вест-Корнуолл. Обошелся мне в \$1830, но все, кто его видел, им восхищались. И также все восхищались моим музыкальным оборудованием. Я посещаю только дорогой магазин для аудио-любителей на 45-й Западной улице в Манхэттене, который торгует самыми лучшими британскими деталями – лучше их нет во всем мире, если, конечно, вы знаете, что именно надо покупать. Я собрал себе весьма внушительную систему примерно за \$5500: пара динамиков «Мишн 753», CD транспорт «Аркам Дельта», черный ящик цифроаналогового преобразователя и поистине дивный усилитель «Сайрус 3», который отличается кристальной чистотой звука.

Моя коллекция дисков преимущественно основана на рекомендациях Справочника по классической музыке издательства «Пенгуин». Я серьезно отношусь к музыке и стараюсь прослушать произведение целиком (или один акт оперы), пока упражняюсь. К сожалению, все, превышающее сорок минут, для этого не подходит, поэтому мне приходится обходиться без продолжительных стенаний Малера или Брукнера. Но я люблю слушать их симфонии ночью, когда прячусь в единственном месте, где чувствую себя покойно, – в моей темной комнате.

Когда-то там была прачечная, но в числе первых переделок после переезда в этот дом был перенос прачечной в кладовую рядом с кухней. Затем к работе приступили плотник и сантехник. Все полки и ящики были оттуда выброшены. Вместо них установили две профессиональные раковины из нержавеющей стали. Единственное имевшееся окно заложили кирпичом. Стены заново оштукатурили и покрасили в светло-серый цвет. Затем вдоль одной стены были установлены сделанные на заказ стальные ящики и столы. И я не пожалел \$2300, чтобы побаловать себя приобретением светоулавливающей вращающейся двери – цилиндр внутри цилиндра, – обеспечивающей абсолютную темноту в темной комнате.

По совету одного знакомого фотожурналиста из «Ньюсуик» я так же основательно вложился в оборудование: фотоувеличитель «Беселер 45мх», устройство для сушки пленки «Киндермэнн», качающуюся кювету «Кодак». Я использую только самые лучшие химикаты. Печатаю только на бромистой бумаге «Галерия» (любимая бумага всех ведущих фотографов Америки). И как большинство серьезных фотографов, я предпочитаю два вида пленки – Кодак Tri-X и Илфорд HP4.

Напротив этой рабочей зоны расположен большой шкаф до потолка. Он огнеупорный. Он водонепроницаемый. Он снабжен свертывающимися вниз алюминиевыми жалюзи, запертыми на два надежных замка. Возможно, все это говорит о моей избыточной осторожности, но, если у вас коллекция камер и линз стоимостью примерно в \$45 000, вы не станете ею рисковать.

Коллекционировать камеры я начал в 1963 году. Мне было всего шесть лет, я был в гостях у своего дедушки по материнской линии, в их квартире для пенсионеров в Форт-Лодердейле. Я взял в руки старый фотоаппарат «Брауни», забытый на столике, посмотрел в видоискатель и был заворожен. Обнаружился совершенно новый способ смотреть на вещи. Как будто глядишь в замочную скважину. Тебе нет нужды смотреть на все, происходящее вокруг, можно сузить обзор до одного образа. Но всего привлекательнее мне, шестилетнему, показалась возможность спрятаться за линзами, использовать их как барьер между мной и миром. Все время в гостях, пока мои родители ругались, их родители ругались, а потом они ругались все вместе, я провел, приложив глаз к видоискателю этого фотоаппарата. Более того, как только около меня оказывался кто-нибудь из взрослых, я подносил камеру к лицу и отказывался опустить ее, даже когда ко мне обращались. Моего отца это не позабавило. Когда мы все сидели за обеденным столом и я попытался есть креветочный коктейль, держа фотоаппарат на уровне глаз, его терпение лопнуло. Он выхватил у меня камеру. Мой дедушка Моррис решил, что его зять излишне суров с ребенком, и выступил в мою защиту:

– Пусть Бенни развлекается.

– Его зовут не Бенни, – отозвался отец, со свойственным выпускнику Йельского университета оттенком презрения в голосе. – Его зовут *Бенджамин*.

Дед не принял этот вызов «белой кости».

– Спорю, мальчишка станет фотографом, когда вырастет, – сказал он.

– Только если захочет умереть с голоду, – заявил мой отец.

Это было первое (и самое мягкое) столкновение с отцом из-за камер и фотографии. Но после короткого и бурного визита в Форт-Ловердейл дед не забыл вручить мне этот фотоаппарат в аэропорту, заявив, что это прощальный подарок его любимому Бенни.

Я до сих пор храню тот «Брауни». Он лежит на верхней полке моего шкафа, рядом с моим первым «Инстаматиком» (Рождество 1967 года), моим первым «Никкорматом» (четырнадцатилетие), моим первым «Никоном» (окончание средней школы), моей первой «Лейкой» (окончание колледжа в 1978-м, подарок матери за шесть месяцев до того, как эмболия украла у нее жизнь в пятьдесят один год).

На трех полках ниже лежат камеры, которые я приобретал с тех пор. Там есть несколько редких музейных экспонатов («Пентакс Спортматик», ящичный фотоаппарат «Кодак» Истмена, и первый вариант «Кодак Ретина»). Там же хранится и моя рабочая аппаратура: подлинный «СпидГрафик» для зернистых журналистских кадров, новая «Лейка № 9» (с линзами «Сумикарон 300» стоимостью \$5000), «Хасселблад 500 CM» и крепкий аппарат из вишневого дерева «ДеоДорф», которым я пользуюсь только для пейзажных и портретных съемок.

На одной стене подвала развешены мои пейзажи – мрачные, в стиле Ансела Адамса, виды побережья Коннектикута под низкими грозовыми тучами или белые, обшитые досками сараи на фоне темного неба. На другой стене – одни портреты: Бет и дети, – снятые в манере Билла Брандта, в различных домашних ситуациях, при обычном освещении и открытой диафрагме, дабы придать им более естественный вид. И на последней стене то, что мне нравится называть

своей фазой Дианы Арбюс⁵: безногий мужчина с черной повязкой на глазу просит милостыню у магазина «Блумингдейл»; старая индианка в хирургической маске с ходунками в Центральном парке; пьяница с язвой на щеке, достающий из помойного бака недоеденный бигмак.

Бет, надо сказать, ненавидит эти неприятные фотографии («Слишком показушные, намеренно отвратительные»). Ей и семейные портреты не слишком нравятся («На них мы выглядим так, будто живем в Аппалачии»⁶). Но ей по душе пейзажи, она постоянно говорит, что у меня хороший глаз на природу Новой Англии. Вот Адам, наоборот, очень любит мою коллекцию городских уродов. Каждый раз, когда приходит сюда, чтобы посмотреть, как я работаю, он забирается на серый диван, стоящий под ними, показывает на пьяницу, с удовольствием хихикает и говорит: «*Противный дядя!.. Противный дядя!*» (Такие критики мне нравятся.) А маленький Джош? Он ничего не замечает. Он только плачет.

В то утро он уж плакал так плакал. С той минуты как я принес его вниз, не замолкал. Двадцать минут этой предрассветной истерики вымотали меня, как сорок отжиманий на полу подвала. Я исчерпал весь свой репертуар детских песен, причем «Моргай, моргай, звездочка» запел уже в четвертый раз. Наконец усталость сморила меня, и я присел, подкидывая Джоша на колене, чтобы он решил, что я все еще двигаюсь. На пару секунд он действительно заткнулся, и мой взгляд ушел в сторону, задержавшись на секунду на пустой стене около моего стерео-оборудования. Я всегда оставлял место для своих военных фотографий – грандиозных снимков, как у Боба Капа, которые, по словам Кейт Бриммер, я однажды сделаю. Но я никогда не был нигде вблизи военной зоны, линии фронта... и теперь я знаю, что никогда там и не окажусь.

Конец короткой паузе – Джош разорвался снова. Может быть, все дело в его памперсах. Я положил его на диван, отстегнул липучки и заглянул. Полная загрузка. Всегда довольно противная картинка, но особенно при недосыпе.

Итак, пришлось тащиться обратно в детскую. Я положил Джоша на пластиковый коврик на комод. Джош страдает от постоянного неизлечимого кожного воспаления. С самого рождения спина у него ярко-красного цвета с гнойниками. Так что для него смена памперсов равносильна пребыванию в камере пыток. Едва почувствовав под собой пластиковый коврик, он начинает извиваться и орать, причем его движения настолько буйные, что мне приходится держать его одной рукой, пока другой я расстегиваю застёжки и пытаюсь вытащить его ноги из ползунков. Когда мне это удалось (после основательных усилий), я задрал ползунки, отлепил липучки на памперсе и уставился в его омерзительное содержимое: понос, заливший весь живот и спину Джоша, причем так основательно, что я даже пупок не смог разглядеть. Я даже закрыл глаза от отвращения – но ненадолго, потому что Джош принялся сучить ногами, погружая их в изгаженный памперс. Теперь дерьмо уже покрывало его ноги и попало даже между пальцами.

– А... черт, – пробормотал я и отвернулся от него на секунду, чтобы взять коробку с влажными салфетками с подоконника, где они обычно хранились.

Но за три секунды, пока моей руки не было на его груди, случилось немыслимое: Джош крутанулся так резко, что умудрился сползти с подстилки. Когда я повернулся от окна, то увидел, что он вот-вот кувыркнется с комода высотой в четыре фута.

Я выкрикнул его имя и нырнул в его сторону как раз в тот момент, когда он перекатился через край. Каким-то чудом мне удалось попасть под него, когда он падал, причем головой я вмазался в нижний ящик. Он с перепуга заорал еще громче. Тут дверь в детскую распахнулась, и надо мной возникла орущая Бет:

– Черт поberi! Я же говорила... я же говорила... я же говорила...

---

⁵ Диана Арбюс (1923–1971) – американский фотограф, известна тем, что нередко снимала больных, покалеченных, странных людей, аутсайдеров общества.

⁶ Регион в штате Вирджиния, долгое время находился в тяжелом экономическом положении из-за сильной зависимости от добычи угля.

Я умудрился вставить:

– Он в порядке... не ушибся.

Но тут Бет выхватила у меня Джоша. Когда она подняла его, памперс свалился и приземлился прямо на мой живот. Но я уже не волновался за перепачканный в дерьме халат, меня больше занимали огромная шишка на голове и прокурорский голос Бет.

– Ты никогда не слушаешь, так?

– Несчастный случай, ничего больше, – возразил я.

– Не оставляй его на этой подстилке... *никогда* не оставляй.

– Я отошел всего на секунду, не больше...

– Но я тебе столько раз говорила...

– Ладно, ладно, я...

– *Виноват.*

– Идет.

Я поднялся на ноги. Когда я выпрямился, грязный памперс сполз по мне и мягко шлепнулся грязной стороной на ковер (подлинный ковер, сделанный вручную в 1775 году в пансионате в Филадельфии, где однажды останавливался Джон Адамс). Бет уставилась на мой изгвазданный халат, затем на дерьмо на историческом ковре за \$1500, на пятна, уже появившиеся и на ее халате, на бывшего в истерике Джоша.

– Потрясающе, – пробормотала она усталым голосом. – Лучше не бывает.

– Мне очень жаль, – сказал я.

– Тебе всегда жаль.

– Бет...

– Уходи, Бен. Иди в душ. Иди на работу. Я с этим разберусь. Как обычно.

– Ясно, я выметаюсь. – Я быстро выскочил из комнаты, но, оказавшись в коридоре, увидел стоявшего в дверях Адама. Он прижимал к себе любимую плюшевую игрушку (улыбающийся коала), и глаза его были так широко раскрыты, и в них было столько беспокойства, что я сразу понял, что его разбудили наши крики.

Я опустился рядом с ним на колени, поцеловал светлую головку и сказал:

– Уже все в порядке. Иди спать.

Похоже, он мне не слишком поверил.

– Почему вы ругаетесь?

– Мы просто устали, Адам. Вот и все. – Я тоже был не слишком убедительным.

Он показал на мои измазанные халат и пижаму и сморщил нос, ощутив запах.

– Противный дядя, противный дядя.

Я выдавил улыбку:

– Да, в самом деле противный дядя. А теперь возвращайся в свою комнату.

– Я иду к маме, – заявил он и вбежал в детскую.

– Только не говори мне, что ты тоже обделался, – сказала Бет, когда он вошел в комнату.

Я вернулся в спальню, сбросил всю одежду, нацепил гимнастические шорты, футболку и кроссовки и отправился вниз, в подвал, по пути забросив мои грязные тряпки в стиральную машину. Покрутил свой ящик с дисками, пока не нашел букву «Б», затем провел пальцем по дюжине или около того записей, выудив английские сюиты Баха в исполнении Гленна Гульда. Сегодняшнее утро настраивало на наушники, так что я достал «Сенненгеймы» («Лучший в мире звук» – «Стереоревию»), увеличил звук и постарался попасть в такт на велотренажере. Но выяснилось, что двигаться я не в состоянии. Мои пальцы с такой силой сжимали ручки, что я испугался, не повредить бы костяшки пальцев.

Немного погодя я заставил себя двигаться, ноги заработали в привычном ритме. Вскоре я уже двигался со скоростью три мили в час, и на шее стали появляться первые капли пота. Я принялся сильнее крутить педали, представляя себе, что участвую в гонке. Я забирался все

выше и выше, на высоту, эквивалентную двадцати этажам, темп был просто бешеным, я явно перестарался. Я слышал, как быстро колотится сердце, как оно напрягается, чтобы успеть за моими движениями. Бах все звучал, но я уже не обращал на него внимания, прислушиваясь только к буре в моей груди. На несколько коротких мгновений голова опустела. Ни гнева, ни домашних неприятностей. Я был свободен от обязательств, от сковывающих связей. И находился где-то совсем в другом месте, только не здесь.

Пока краем глаза я не заметил Адама, спускающегося по ступенькам. За собой он тащил большую коричневую кожаную сумку. Мой кейс. Когда он добрался до последней ступеньки, он одарил меня широкой улыбкой и принялся катать кейс по полу обеими руками, что-то одновременно выкрикивая. Я сорвал с головы наушники. И на фоне своего прерывистого дыхания расслышал его слова:

– *Адкакат как папа... Адкакат как папа... Адкакат как папа...*

Я почувствовал, как увлажнились глаза. Нет, сынок, ты никак не можешь хотеть стать таким же адвокатом, как твой отец.

Глава вторая

До электрички мне от дома идти всего десять минут, но даже в половине седьмого я насчитал десяток других ранних пташек, которые целеустремленно вышагивали к вокзалу. Когда я влился в их ряды, подняв для защиты от осенней прохлады воротник моего плаща «Берберри», я вспомнил (как делаю каждое утро) зазывные тирады агента по недвижимости, который продал нам этот дом. Он носил синий блейзер и брюки в клеточку, ему было за пятьдесят, и звали его Горди.

– Вы скоро убедитесь, – говорил Горди, – что вы покупаете не просто замечательный дом. Вы также приобретаете замечательные поездки на работу.

Наша дорога называется Конститушн-Кресент. Там двадцать три дома – одиннадцать колониальных, обшитых досками, семь коттеджей Кейп Код, четыре ранчо, построенных на разных уровнях, и два монтиселло из красного кирпича. Около каждого дома лужайка в пол-акра перед фасадом и подъездная дорожка. Почти перед каждым домом можно увидеть детские качели; около других домов устроены детские мини-площадки или вырыты бассейны позади дома. Из машин чаще всего встречаются многоместные «вольво» (с которыми успешно конкурирует «форд-эксплорер»). Попадаются также и разные спортивные машины: «порше-911» (ее владелец Чак Бейли – креативный директор в каком-то рекламном агентстве на Мэдисон-авеню); побитая «эм-джи», принадлежащая местному (и не очень хорошему) фотографу по имени Гари Саммерс и «мазда-миата», которая стоит на моей подъездной дорожке рядом с «вольво», ею пользуются Бет и дети.

В конце Конститушн-Кресент находится обшитая досками епископальная церковь. Перед ней большое табло в стиле Новой Англии с золотыми буквами:

НЬЮ-КРОЙДОН, заложен в 1763 г.

У церкви я повернул налево, прошел мимо почты, трех антикварных лавок и магазина деликатесов, где продают тридцать два сорта горчицы, и добрался до центральной улицы Нью-Кройдона – Адамс-авеню. Ряд одноэтажных белых магазинов, современный банк, пожарная часть, большое здание средней школы из красного кирпича с огромным звездно-полосатым флагом, развевающимся на его флагштоке. Настоящий пригород со всеми его привлекательными чертами, на которые делают упор такие агенты по продаже недвижимости, как Горди.

«Здесь вы получаете низкие налоги, практически полное отсутствие преступности, сорок семь минут до Центрального вокзала, великолепные частные средние школы, пять минут до пляжа, и, самое главное, здесь можно купить куда больше места, чем в городе».

Я свернул направо, на Адамс-авеню, прошел наискосок через парковочную стоянку, которой совместно владели сухая чистка и винный магазин, и начал подниматься по ступенькам на мост, нависший над железнодорожными путями. В 6.47, то есть через три минуты, должен прийти поезд, поэтому, заторопившись к платформе южного направления, я увидел, что на ней уже кишмя кишат люди в темных костюмах. Нас на платформе собралось человек восемьдесят, все ждали этого утреннего поезда. Все были одеты в костюмы корпоративных цветов: темно-серые или темно-синие, иногда, в порядке разнообразия, в полоску. Почти на всех женщинах были белые блузки и юбки до колен. Среди всей толпы выделялся один-единственный парень в двубортном итальянском костюме (серо-жемчужного цвета с перламутровыми пуговицами, скорее всего, он занимался перевозками в семейном бизнесе), все остальные были консервативны и носили однобортные костюмы.

«Никогда больше не показывайся здесь в чем-нибудь двубортном, – коротко объявил мне мой ментор Джек после того, как я начал работать в фирме. – В них юрист кажется егоз-

ливым, а наши клиенты не ассоциируют „Лоуренс, Камерон и Томас“ с егозливостью. Забудь также про яркие рубашки, носи либо чисто-белые, либо голубые, а также простые полосатые галстуки. Запомни, если ты когда-нибудь собираешься стать партнером, ты должен выглядеть соответственно».

Я поступил так, как было велено, и спрятал в шкаф шедевр от Армани за \$1100, который купил, когда получил эту работу. Затем я провел половину дня в «Брукс Брозерз», где приобрел несколько вариантов предписанных одеяний. Вне сомнения, каждый мужчина на этой платформе оставил крупную сумму в этом магазине, потому что все, кто может позволить себе жить в Нью-Кройдоне, вынуждены подчиняться корпоративным правилам. А это означало носить предписанную ими форму.

С той поры как два года назад меня сделали партнером, я перестал ездить на таких ранних электричках, поскольку мне уже не было нужды демонстрировать, что я готов сидеть за рабочим столом в половине восьмого. Но я совсем не хотел дожидаться электрички в 8.08 или 8.18 (мои обычные поезда) дома, потому что Бет ясно дала мне понять, что не потерпит никаких попыток к примирению.

Когда я спустился вниз после душа, последовавшего за занятиями на тренажерах, она сидела в кухне и кормила Джоша и Адама, за ее спиной тихонько говорили телевизионные новости. Когда я вошел, она взглянула на меня, затем быстро перевела взгляд на младенца. Она переоделась: на ней теперь были легинсы и черная толстовка, которая не скрывала ее пришедших в норму стройных форм. Бет никогда не была полной, но, когда я с ней познакомился семь лет назад, она выглядела как капитан какой-то сильно пьющей команды по травяному хоккею: жизнерадостная, крупная блондинка, которая всю ночь могла говорить о книгах и футболе и обожала пиво. Еще она исключительно заразительно смеялась. Особенно в постели – в те времена это было место, где мы с удовольствием проводили значительную часть нашего времени. Теперь, в тридцать пять, она стала, в результате аэробики, сухопарой, вернее, худой и гибкой, как олимпийский спринтер. Теперь ее скулы резко выдаются, у нее нет талии, а когда-то длинные волосы коротко подстрижены по этой мужской моде, которую предпочитают французские актрисы. Я все еще нахожу ее привлекательной, у нас в пригороде головы еще поворачиваются ей вслед, особенно если на ней обтягивающее черное платье от Донны Каран, которое подчеркивает ее угловатую привлекательность. Но кипучий энтузиазм крутой девчонки уступил место вселенской усталости. Под глазами залегли темные круги. Ее нервы постоянно натянуты. И она настолько переменилась ко мне, что не подпускала к себе после рождения Джоша. Обычной отговоркой было: «Я еще не готова».

Я подошел к ней, положил руку на плечо и попытался поцеловать в голову. Но стоило мне ее коснуться, как она поморщилась и сбросила мою руку.

– Господи, Бет...

Она не обратила на меня внимания, продолжая засовывать ложку с какой-то оранжевой дрянью из баночки «Хайнц» в рот Джоша.

– Я не понимаю, – сказал я. – Я просто ничего не понимаю.

– В самом деле? – спросила она, не глядя на меня.

– В самом деле.

– Тогда плохо.

– Что это, мать твою, должно означать?

– Сам сообрази.

– Зачем ты это делаешь?

– Я *ничего* не делаю.

– Ты месяцами меня отталкиваешь, относишься ко мне как к какому-то бесполезному придурку... это, по-твоему, *ничего*?

– Я не хочу сейчас это обсуждать.

– Ты всегда так говоришь, всегда уходишь от проклятого...

– *Не сейчас*. – Тон ее стал опасным.

Молчание. Адам уставился в свою миску с хлопьями и уныло ворошил их ложкой. Я же стоял подобно круглому дураку, понимая, что мне остается только уйти. Поэтому я поцеловал сыновей на прощание и взял кейс.

– У меня в пять тридцать может быть собрание, – сказал я.

– Неважно. Фиона сегодня работает допоздна, – сказала она, имея в виду нашу няню-ирландку, которая присматривала за Адамом и Джошем.

– Отлично, – сказал я. – Позже позвоню.

– Меня не будет, – заявила она.

– У тебя намечается что-то интересное? – спросил я.

– Нет.

Я открыл дверь во двор.

– Увидимся, – сказал я. Она даже головы не подняла.

Когда я покупал «Нью-Йорк таймс» и текущий выпуск «Вэнети фэр» в киоске на вокзале, я почувствовал, как в животе образовалась капля кислоты. Я поморщился. Потекли еще капли, обжигая мне желудок. Я закусил губу, закрыл глаза. Боль от этого не прошла. Когда подошел поезд, я, спотыкаясь и едва не согнувшись пополам, сел в вагон. Упав на первое свободное сиденье, я открыл кейс, достал из-под стопки юридических документов бутылку «маалокса», поспешно потряс и отпил добрую треть одним глотком. Затем я проверил, не смотрит ли на меня кто-нибудь из пассажиров, мысленно занося меня в категорию *язвенников* или *алкоголиков*. Но все были заняты своими ноутбуками, срочными бумагами или мобильными телефонами. Ведь это был поезд 6.47 – царство трудоголиков, младших исполнителей, все еще надеющихся выбиться в партнеры или вице-президенты. Ради достижения этой цели они были готовы работать по четырнадцать часов в сутки. И атмосфера в вагоне была настолько заряжена нервными амбициями и самодостаточностью, что, даже если бы я начал курить травку, вряд ли бы кто-нибудь из окружающих меня людей заинтересовался... хотя я уверен, что кто-нибудь все же сказал бы мне, что в этом поезде курить запрещено.

Я предпочитаю жидкий «маалокс» таблеткам, потому что он мгновенно гасит пожар в желудке. И за пять минут, которые потребовались поезду, чтобы добраться до следующей остановки, деревни Риверсайд, боль почти прошла. Но я знал, что в течение дня я буду тянуться к этой бутылочке снова и снова.

Сначала Риверсайд, затем Кос Коб, потом Гринвич, затем Порт-Честер, Рай, Харрисон, Мамаронек, Ларчмонт, Нью-Рошелл, Пелем, Маунт Вернон, 125-я улица и, наконец, Центральный вокзал. После трех лет поездок я знаю каждый отрезок этого пути, каждую деталь. Например, яхту с розовым корпусом и рваным главным парусом, которая всегда качается на волнах в гавани Риверсайда. Или ободранную дверь в сортир с надписью ТЛЬМЕН – четыре первые буквы куда-то давно пропали. Или вдумчивое граффити на столбе на 125-й улице: *Белые не умеют прыгать... Но они могут здорово вас надуть*.

Риверсайд, Кос Коб, Гринвич, Порт-Честер, Рай, Харрисон, Мамаронек, Ларчмонт, Нью-Рошелл, Пелем, Маунт Вернон, 125-я улица, Центральный вокзал. Я перебираю их в уме каждое утро. Напоминает молитву, которую каждое утро в течение тридцати пяти лет повторял мой покойный отец. Только я ехал на север, отец же пользовался старой линией вдоль Гудзона, которая была проложена по центру Уэстчестера.

У него тоже был удобный путь. Его посредническая компания находилась на пересечении Мэдисон-авеню и 48-й улицы, куда от Центрального вокзала быстрым шагом можно было добраться за десять минут. Однажды, во время школьных каникул, когда мне было десять лет, он взял меня в свой офис. Я был одет как карликовый служащий, в синий блейзер и серые

брюки, кейсом мне служил мой школьный рюкзак. Я ехал с ним в город на поезде в 8.12. В поезде он познакомил меня со своими попутчиками, которые, похоже, все звали друг друга по фамилии (*Эй, привет, Коул... Доброе утро, Маллин... Как делишки, Свейб?*). Они шутили со мной, спрашивали отца, не тот ли я малолетний гениальный брокер, о котором он им рассказывал; они интересовались моим мнением насчет таких важных вопросов, как стоит ли «Метс» продавать своего ведущего питчера Тома Сивера, кто мне больше нравится, Рован или Мартин, и выиграет ли Джордж Ромни номинацию в президенты от Республиканской партии в будущем году? В офисе отца я познакомился с его секретаршей, дородной женщиной с плохими зубами по имени Мьюриел. Мне показали комнату заседаний компании, столовую и офисы для начальства, один из которых занимал мой отец. Это был мрачный роскошный мир столов красного дерева и слишком мягких кожаных кресел. Совсем как в клубе «Индия», куда отец водил меня на ленч. Клуб находился в конце финансового района, рядом с биржей. Там царила бостонская атмосфера, свойственная старым янки: много облицовки деревом, тяжелые портреты бюргеров девятнадцатого века, писанные маслом, и старые модели давно исчезнувших морских судов. Обеденный зал отличался высоким сводчатым потолком и официальной атмосферой. Все официанты в белой накрахмаленной униформе. И везде вокруг люди в полосатых костюмах, очках в роговой оправе и сверкающей обуви. Уолл-стрит за ленчем.

«Когда-нибудь мы будем членами этого клуба», – сказал отец. Помнится, я тогда подумал: конечно, смотреть в видоискатель фотокамеры здорово, но носить костюм, иметь большой офис и есть каждый день в клубе «Индия», наверное, более достойная цель, к которой взрослым стоит стремиться.

Восемь лет спустя я поклялся, что никогда больше моя нога не ступит в клуб «Индия». Случилось это летом 1975 года, я тогда только что закончил первый курс колледжа Боудена и нашел себе работу младшего продавца на каникулы в одном из больших магазинов, торговавших камерами на 33-й улице. Отец был возмущен. Ведь я не только отверг его предложение «начать изучать, что такое ценные бумаги» в качестве мальчика на побегушках на бирже, но уже сам зарабатывал в магазине \$70 в неделю. Он также не мог смириться с фактом, что я ушел из дому и жил в лачуге на авеню В вместе с девицей по имени Шелли, которую выгнали из колледжа Уэллсли и которая называла себя художницей по макраме.

После нескольких недель безумного блаженства, в течение которых я отвечал на все более раздраженные звонки отца во все более обдолбанном состоянии, он велел мне явиться на обед. Когда я ответил: «Какой там ленч, ерунда», он заявил, что, если я не появлюсь в клубе «Индия» в четверг в час дня, я могу забыть о возвращении в мой крутой колледж в Новой Англии осенью, поскольку он перестанет платить за мое обучение.

Мой папашка умеет быть убедительным, так что у меня не было выбора, пришлось появиться в клубе. Я даже ради такого случая нацепил костюм – бандитский костюм в полоску в столе сороковых годов, который я приобрел у старьевщика в Ист-Виллидж. И попросил Шелли заплести мне волосы (которые отросли до плеч) в косичку.

– Ты настоящий обормот, мне за тебя стыдно, – заявил отец, едва я сел за стол.

Я улыбнулся ему обкуренной улыбкой и сказал что-то в стиле Гертруды Стайн: что я есть то, что я есть.

– Ты возвращаешься домой.

– Ни за что.

– Я буду ждать тебя сегодня на Центральном вокзале к поезду в шесть десять. Если тебя там не будет, можешь начать искать девять тысяч долларов для оплаты следующего семестра в колледже.

Я успел на поезд. Я вернулся домой. Я продолжал работать в магазине, но каждое утро ездил на поезде в 8.06 вместе с отцом. Я избавился от своего клоунского костюма, и мои волосы теперь доходили только до воротничка. Я пытался встретиться с Шелли в выходные, но меньше

чем за две недели мое место в ее постели занял поедатель стекла, артист по имени Трой. И все следующие летние каникулы я делал то, что велел отец: работал для фирмы курьером на бирже.

Я капитулировал, сдался, распустил нюни. Почему? Потому что так было легче. И безопаснее. В смысле, что бы я делал, если бы он лишил меня финансовой поддержки? Продолжал бы работать в магазине, торговавшем камерами? Попытался начать карьеру фотографа? Возможно, но это бы означало, что я поставил крест на сделанных в меня инвестициях: частной школе в Оссининге, дорогих летних лагерях, уроках тенниса, четырех годах в Андовере и элитном колледже в Новой Англии, Боудене. Когда вы выросли и получили образование в привилегированных заведениях Восточного побережья, вы не выбрасываете это все ради того, чтобы продавать «Никоны» на 33-й улице. Разве что вы хотите, чтобы вас считали полным лузером, то есть человеком, которому было предложено все, а он ничем не смог воспользоваться и не преуспел.

Преуспеть. Один из самых важных американских глаголов. Например: «Тебе было дано лучшее воспитание, какое только можно вообразить, теперь ты должен преуспеть». Для моего отца, равно как почти для всех остальных, с кем я вместе учился, это означало одно: зарабатывать серьезные деньги. Измеряемые шестизначной цифрой. Такие деньги, которые возможно получить, только взобравшись по корпоративной лестнице или выбрав себе одну из надежных профессий. Но хотя я и учился на юридических курсах по совету отца (одновременно я обучался фотографии), я всегда говорил себе, что, когда окончу колледж и больше не буду зависеть от его финансовой помощи, я наконец сделаю этому «миру преуспевания» ручкой.

«Не позволяй ему унижать себя», – всегда говорила мне Кейт Бример.

Кейт Бример. Когда поезд выехал из Харрисона, я уже листал глянцево-белые страницы «Вэини фэр». Я пропустил рассказ о юном красавчике актере, который наконец нашел «свой духовный центр и звездную силу». Я пропустил повествование об «убийстве в среде богатых идиотов», в котором говорилось о богатой наследнице, оказавшейся серийной убийцей, задушившей шесть профессиональных теннисистов в Палм-Спрингс. Затем я перевернул страницу и увидел ее.

Это была страница в журнале, большую часть которой занимала фотография Кейт, сделанная Энни Лейбовиц⁷. Она стояла на фоне какого-то поля боя в Боснии – на снегу валялись несколько окровавленных трупов. Как обычно, на ней был модная солдатская форма, и она смотрела в объектив ставшим ей привычным взглядом матери-мужество в прикиде от Армани. Заголовок был такой:

ТАМ, ГДЕ ИДУТ НАСТОЯЩИЕ СРАЖЕНИЯ

КОРРЕСПОНДЕНТ СИ-ЭН-ЭН КЕЙТ БРИМЕР ПРИВНОСИТ

В БОСНИЮ ОТВАЖНУЮ ЭЛЕГАНТНОСТЬ

«Каковы главные секреты хорошего военного корреспондента? – спрашивает Кейт Бример с Си-эн-эн. – Их два: безграничное сострадание и умение увернуться от пули».

Легкий налет классического снобизма, свойственного Новой Англии, тоже помогает. И эта рекламная красота а-ля Ньюпорт, штат Род-Айленд, обязательно напомним о другой чисто-

---

⁷ Энни Лейбовиц (р. 1949), одна из самых знаменитых современных американских фотографов.

кровной Кейт (то есть Хепберн), когда смотришь на четко очерченные скулы и думаешь о настоящем мужестве в трудных ситуациях.

«Она – самый выдающийся телевизионный корреспондент за многие годы», – заявил глава Си-эн-эн Тед Тернер, который дважды приглашал Бример провести отпуск вместе с ним и его женой Джейн Фондой на их ранчо в Монтане. Но Бример, которую связывали романтические отношения с такими знаменитыми самцами, как ведущий Эй-би-си Питер Дженнингс и французский режиссер Люк Бессон, редко покидала для заслуженного отдыха горячие точки по всему миру. Начинала она с серии острых репортажей с грязных улиц Белфаста, затем едва не попала под выстрел снайпера в Алжире и вот теперь претендовала на «Эмми» за свои жесткие, но тем не менее проникновенные репортажи из охваченной войной Боснии.

«Моя работа – быть свидетельницей худшего человеческого поведения, – говорит она сквозь треск телефона из Сараево. – Но при этом мне необходимо всячески избегать цинизма, который может появиться, когда видишь такую бойню. Войну нельзя просто наблюдать – ее надо *почувствовать*. Поэтому я действительно постоянно проверяю свою способность сочувствовать, стараюсь всегда быть уверенной, что нахожусь в печальной гармонии с Джо Боснийцем, который наблюдает, как построенный им мир рушится вокруг него».

Мать твою за ногу! Эта чушь произносится для Пулицеровской премии. *Я действительно постоянно проверяю свою способность сочувствовать... в печальной гармонии?* Не может быть, чтобы ты это говорила серьезно, Кейт.

Она всегда умела себя подать, всегда знала, на какие кнопки нажать, чтобы помочь своей карьере. Я что, завидую? *Я в самом деле завидую.* Всегда завидовал. Особенно после того, как после окончания колледжа летом 78-го года мы перебрались в Париж (к негодованию моего отца). Мы собирались какое-то время поиграть в эмигрантские игры, и, хотя отец отказал мне в финансовой поддержке, я пытался сделать карьеру фотографа. У Кейт был довольной большой трастовый фонд, что давало нам возможность снимать уютную квартиру. Через две недели после приезда в город она нашла работу курьера в местном офисе «Ньюсуик». Через три месяца она уже практически бегло говорила по-французски, и ее взяли ассистентом видеорежиссера в парижское бюро Си-би-эс. Еще через два месяца она пришла домой и заявила, что наши отношения завершены и она переезжает к своему боссу, начальнику бюро Си-би-эс.

Я был потрясен. Я был уничтожен. Я умолял ее остаться, дать нам еще один шанс. К утру она собрала свои вещи и уехала. Через пару месяцев уехал и я, потому что мне нечем был платить за квартиру, да и вообще не на что продолжать жить в Париже. Я сидел без гроша, не мог найти работу. Я стучался в дверь каждой газеты и пресс-агентства в городе, но, кроме продажи двух фотографий кафе (за ничтожную тысячу франков) одному дерьмовому журнальчику, я так и не сумел ничего заработать.

«Снимки неплохие, но ничего особенного, – сказал мне начальник фотоотдела в „Интернэшнл геральд трибюн“ после того, как я показал ему свое портфолио. – Мне неприятно это говорить, но ко мне каждую неделю приходит человек шесть таких, как вы. Просто приезжают из Штатов, считая, что здесь они смогут заработать на жизнь фотографией. Но здесь недостаточно работы, так что конкуренция жесткая».

Когда я вернулся в Нью-Йорк, все фоторедакторы сказали то же самое: мои снимки «нормальные», но этого недостаточно, чтобы пробиться в Большом яблоке.

Это был ужасный период в моей жизни. Я все еще переживал из-за пинка, который дала мне Кейт, все еще не мог установить приличные отношения с отцом, поэтому оказался в темной квартирке приятеля в Морнингсайд Хейтс. Приятель заканчивал аспирантуру в Колумбии. Отчаянно разыскивая что-нибудь в сфере фотографии, я зарабатывал на еду, работая неполный день в магазине Виллоби, торгующем камерами, на 32-й улице. И тут умерла моя

мама. Меня охватила паника. Я был кругом неудачник. Без всяких перспектив. Листая такие журналы, как «Эсквайр» или «Роллинг стоунз», где глянцевые страницы были полны парнями моего возраста, которые уже достигли успеха, я еще более остро ощущал себя неудачником. И я начал убеждать себя в том, что никогда бы не сумел ничего добиться как фотограф, что я закончу свои дни за прилавком магазина, превратившись в жалкого старика, постоянно обсыпанного перхотью, который будет хвастаться своим покупателям: «А знаете, у меня сам Аведон⁸ покупал пленки».

Для паники, разумеется, характерны всплески безумия. Если она тебя охватила, ты уже не в состоянии спокойно оценивать свое положение, смотреть на него отстраненно. Ты ударяешься в мелодраму. У тебя нет надежды. У тебя нет выхода. Тебе не терпится найти решение – *сейчас же*. И ты начинаешь принимать эти решения. Совсем ошибочные решения. Но решения, которые все меняют. Которые ты потом начинаешь ненавидеть.

Советы, советы, советы. Теперь, когда я оглядываюсь на эти несколько месяцев юношеского отчаяния, я удивляюсь: почему я не реагировал на все спокойнее, почему не верил в себя и свои способности фотографа? Я должен был хотя бы сказать себе, что смотреть в видеоискатель – это то, что мне нравится, что это профессия, на освоение которой требуется время, следовательно, мне не надо было так сильно торопиться взойти на следующую ступень профессиональной лестницы.

Но когда тебя с младых ногтей воспитывали на принципах преуспевания, ты думаешь, что, если не достигаешь заслуженных высот быстро, значит, делаешь что-то неправильно. Или просто не годишься для этой работы.

Я чувствовал себя обманутым. Я позволил колоколам неудачи заглушить все разумные мысли в моей голове.

Через четыре месяца после того, как я начал работать в магазине, меня неожиданно навещил отец. Он явился без предупреждения где-то во время ленча. После смерти мамы мы встречались редко, так что, когда он увидел меня в форме продавца (дешевый синий пиджак с вышитым названием магазина), он с трудом скрыл свое разочарование.

– Пришел купить камеру? – спросил я его.

– Пришел купить тебе ленч, – сказал он.

Мы отправились в маленькое кафе на углу Шестой авеню и 32-й улицы.

– Никакого клуба «Индия» сегодня, папа? Или тебя слишком смущает мой пиджак?

– Вечно ты ерничаешь, – сказал он.

– Выходит, пиджак *действительно* тебя смущает...

– Похоже, ты меня не любишь, верно? – вместо ответа спросил он.

– Наверное, это потому, что ты не особенно любил меня.

– Перестань молоть чушь...

– Это не чушь. Это факт.

– Ты мой единственный ребенок. Я никогда тебя не ненавидел...

– Но я всегда тебя разочаровывал. Я прямо-таки создан для этого.

– Если тебе нравится заниматься тем, чем ты занимаешься, я рад за тебя.

Я осторожно взглянул на него.

– Ты так не думаешь, – сказал я.

Он иронично рассмеялся.

– Ты прав, – сказал он. – Не думаю. На самом деле я считаю, что ты здесь теряешь время впустую. Ценное время. Тебе уже двадцать три года, и я не собираюсь учить тебя, что делать со своей жизнью. Так что, если тебе твоя работа нравится, я возражать не стану. Мне просто хотелось увидеть тебя.

---

⁸ Ричард Аведон (1923–2004) – знаменитый американский фотограф.

Мы помолчали. Заказали еду.

– Но... вот что я тебе скажу. Обязательно наступит день, может быть, лет эдак через пять, когда ты однажды проснешься и поймешь, что у тебя нет денег, что ты устал считать мелочь и хочешь, для разнообразия, жить хорошо, но не можешь себе этого позволить. Если же у тебя будет степень по юриспруденции, ты не только сможешь жить так, как тебе захочется, но и позволишь себе потратить свободное время на занятие фотографией, той, что тебя интересует. Ты также сможешь купить лучшие камеры, возможно, даже устроить собственную фотолабораторию...

– Забудь.

– Ладно, ладно. Я больше ничего не буду говорить. Но помни: деньги – это свобода, Бен. Чем больше их у тебя, тем шире твои возможности. И если ты решишь вернуться в школу – получить степень по юриспруденции или магистра делового администрирования, – я заплачу, а также буду снабжать тебя деньгами на текущие расходы. Тебе не придется заботиться о своем обеспечении целых три года.

– Ты действительно можешь себе это позволить?

– Легко. И ты это знаешь.

Я и в самом деле знал, но мне даже не хотелось думать о его фаустовских соблазнах... по меньшей мере месяц. Начинался август. Я только что получил отказы на мои резюме в четырех разных газетах (даже редактор «Пресс-геральд» в Портленде отказал мне, заявив, что у меня недостаточно фотографического опыта), а новому менеджеру магазина не нравилось мое лицо патриция, и он убрал меня из секции, торгующей «Никонами», в глубину зала, туда, где продавались пленки. Как-то в воскресенье днем в магазин зашел высокий, угловатый мужчина лет шестидесяти и попросил полдюжины пленок Tri-X. Когда я пробил чек за покупку, он протянул мне кредитную карточку, на которой я прочитал имя: РИЧАРД АВЕДОН.

– Тот самый Ричард Аведон? – трепетно спросил я.

– Возможно, – ответил он с некоторым раздражением.

– Бог мой... Ричард Аведон. – Я обрабатывал его кредитную карточку. – Знаете, я, наверное, ваш самый большой поклонник. Эта серия «Техасские бродяги». Что-то потрясающее. Я вообще пытался воспользоваться этой контрастной технологией – этими черно-белыми тенями, которые вы так великолепно выполняете, – в серии «Таймс-сквер», которой сейчас занимаюсь. Бродяги, сутенеры, шлюхи, всякие отбросы общества. И вообще, я не собираюсь помещать их в городской контекст, как у Арбюс, но использовать вашу манеру выделения объекта на фоне пейзажа. Но я вот о чем хотел вас спросить...

Аведон перебил мой страстный монолог:

– Мы закончили?

У меня было ощущение, что мне заехали в челюсть слева.

– Простите, – хрипло сказал я и отдал ему квитанцию для подписи. Он нацарапал свое имя, взял пленки и направился, досадливо покачивая головой, к длинноногой блондинке, которая ждала его у соседнего прилавка.

– О чем это он разорялся? – услышал я ее вопрос.

– Просто еще один безнадежный кретин, помешанный на камерах, – сказал он.

Через несколько дней я записался на вступительные курсы юридического факультета. Я их окончил и в январе, к своему собственному удивлению, получил высокие оценки. Шестьсот девяносто пять баллов – вот какие высокие. Это дало мне возможность выбирать из трех лучших юридических школ в стране: в Нью-Йорке, Беркли и Вирджинии. Я был в восторге. После всех отказов, которые я получил от самых ничтожных газетенок страны, я снова почувствовал себя победителем, как и должен чувствовать себя человек моего класса. И я убедил себя, что поступил правильно. Особенно по той причине, что впервые в жизни я сделал своего отца счастливым. Настолько счастливым, что, когда я сообщил ему, что собираюсь поступить

в школу в Нью-Йорке этой осенью, он прислал мне чек на пять тысяч долларов вместе с запиской в две строки:

Я тобой горжусь.

Развлекись перед трудной работой.

Я обналичил чек, уволился с работы в магазине и отправился путешествовать. Я мотался по северо-западному побережью Тихого океана в разбитой «тойоте», рядом на сиденье лежала камера, а во рту постоянно косячок. Пленочный магнитофон орал песни «Литл Фит». В конце этого ленивого путешествия я приехал в Нью-Йорк, продал машину, положил камеру на полку и начал изучать право. В тот год, когда я сдал экзамены в адвокатуру и устроился в солидной фирме на Уолл-стрит, умер отец. Обширный инфаркт после обильного ленча в клубе «Индия». Врач, который был вызван, позднее рассказал мне, что он свалился, когда брал пальто у гардеробщицы. Он умер, еще не достигнув пола.

Деньги – это свобода, Бен. Разумеется, папа. Пока ты не сдался. И каждое утро не повторяешь, как молитву: Риверсайд, затем Кос Коб, потом Гринвич, затем Порт-Честер, Рай, Харрисон, Мамаронек, Ларчмонт, Нью-Рошелл, Пелем, Маунт Вернон...

125-я улица. Улица один два пять. Следующая остановка – Центральный вокзал.

Голос кондуктора разбудил меня. Я проспал всю поездку. Несколько минут, пока не очнулся, я не был уверен, где нахожусь. И каким образом оказался в этой электричке. В окружении костюмов. Сам тоже в костюме. Не может быть, чтобы это было правильно. Наверное, я совершил большую ошибку. Я неправильный человек на неправильном поезде.

Глава третья

На моем письменном столе лежали девять таблеток. Одна капсула в 150 мг – «зантаг», от повышенной кислотности. Две корейские таблетки для повышения естественной энергии, две пятимиллиграммовые таблетки «декседрина» для повышения энергии. Огромная пятимиллиграммовая доза «валиума» от стресса. И три таблетки бета-каротина для детоксикации организма.

– Этот бета-каротин мне всегда с утра здорово помогает, – говорит Эстелл, обзревая мои фармацевтические запасы.

– Помогает быть чистым и ясным, – улыбаюсь я.

– Вы хотите сказать, как диетическая кола после двух больших гамбургеров и кучи жареной картошки?

– Тебе мой «маалокс» не попадался?

Она достала бутылку из офисного холодильника и протянула мне:

– На месте вашего желудка я бы потребовала решительных действий.

– Он уже так и поступил, – сказал я, сгреб со стола таблетки, высыпал их в рот и запил «маалоксом».

– Теперь, полагаю, вы желаете получить утренний кофе? – спросила она.

– Только на этот раз с кофеином, Эстелл.

– Кофеин поверх всех этих таблеток? Это перебор...

– Я справлюсь...

– У нас здесь все беспокоятся за вас, мистер Брэдфорд. Все видят, каким усталым вы выглядите...

– Намек на усталость не такая уж плохая вещь. Люди могут решить, что ты много работаешь. Но кофе без кофеина, Эстелл... это уже издевательство над собой.

Эстелл поджала губы:

– Вы бы без меня пропали.

– Я знаю.

– Молоко и один кусочек сахара?

– Пожалуйста. И заодно файл Берковича.

– Он уже на вашем столе. Вам стоит взглянуть на пятую статью, подраздел А в завещании. Там есть нарушение правила вечных распоряжений, потому что траст не заканчивался.

– Не заканчивался со смертью жены бенефициария? – спросил я.

– Ну, в соответствии с постановлением суда по делам о наследстве и опеке штата Нью-Йорк относительно способности тех, кому за восемьдесят, иметь детей, траст не должен был заканчиваться – так что нарушение имеет место.

Я взглянул на Эстелл и улыбнулся.

– Точно замечено, – сказал я.

– Это моя работа.

– Это ты на самом деле должна была бы сидеть за этим столом.

– Не хочу пить «маалокс» на завтрак, – заявила она. – Цурис⁹ мне без надобности. – Она открыла дверь в свой офис. – Что-нибудь еще, мистер Брэдфорд?

– Пожалуйста, дозвонись до моей жены.

Она быстро взглянула на часы. Я догадывался, о чем она думает и что скажет своим товаркам за чашкой кофе во время ленча: *Звонит жене через пятнадцать минут после появ-*

---

⁹ Неприятности (*идиши*).

ления в офисе... и, ой, гевалт¹⁰, если вы обратите внимание, как бедняга выглядит... Нет, говорю же, цурис... А где цурис – там и слезы.

Но Эстелл, будучи опытной секретаршей, ничего не сказала, кроме:

– Я дам вам знать, как только мне удастся с ней связаться.

Эстелл. Сорок семь лет, разведена, имеет умственно отсталого сына-подростка, выносившая, как лошадь. Голос напоминает иерихонскую трубу. Если бы она работала в более сексуальном подразделении нашей фирмы, ее бы давно уволили из-за ее объемистых форм, гласных, напоминающих туманный горн, и манеры одеваться на распродажах, что так не вязалось с треклятым динамизмом слияний и поглощений и гражданского судопроизводства. Но когда она устраивалась на работу двадцать пять лет назад, ей повезло попасть в определенно несексуальный мир доверительного управления и недвижимости. И теперь она, по совести говоря, должна была бы руководить отделом, потому что никто в «Лоренс, Камерон и Томас» не чувствовал себя увереннее в лабиринтах запутанных законов о наследовании. Ее мозг напоминал микрочип: она была способна в любой момент вспомнить даже самую незначительную информацию, которая когда-то удостоилась ее внимания. Спросите ее о самой хитрой лазейке в постановлении о попечительстве, и она процитирует вам решение апелляционного суда в Гленс-Фолс, Нью-Йорк, одиннадцатилетней давности, которое полностью меняет суть закона. Спросите ее о проблеме распределения наследственного имущества, которая возникла у вас с душеприказчиком, и она сразу же вспомнит сходное дело 1972 года. И она, вероятно, является самым непревзойденным мировым экспертом во всем, что касается правила вечных распоряжений – закона, который утверждает, что траст не может длиться дольше жизни завещателя плюс двадцать пять лет. Смысл этот закон имеет только для юриста, занимающегося доверительным управлением и наследством.

Доверительное управление и наследство. Мы те самые люди, которые напоминают вам, что, увы, с собой вы ничего забрать не сможете. Так что, помогая привыкнуть к мысли, что вы рано или поздно неизбежно умрете, мы даем советы, как лучше распределить ваше временное имущество. Более того, мы можем увеличить ваше богатство посредством создания разнообразных трастов, подсказав, как остроумно избегать гигантских налогов. Если потребуются, мы сможем предложить для ваших капиталов разнообразные налоговые убежища. Мы способны придумать такой строго управляемый траст, что ваш непутевый наследник не будет иметь возможности пустить деньги на распыл. Мы легко можем лишить такого сына любой доли в вашем наследстве, ссылаясь на целый ряд обстоятельств – обязательные для исполнения статьи в вашем завещании, которые могут запретить его матери/вашей вдове тратить деньги на блудного сына. И разумеется, мы гарантируем, что ваша последняя воля будет неоспоримой и ваши наследники никогда не столкнутся с этим ужасным правилом вечных распоряжений.

Естественно, фирма «Лоуренс, Камерон и Томас» не станет вас представлять, если вы стоите менее двух миллионов. У нас маленький отдел. Мы занимаемся только доверительным управлением и наследством. Один полноправный партнер (Джек Майл), один младший партнер (к вашим услугам), три помощника, пять секретарш. И поскольку наш отдел занят хоть и прибыльным, но определенно скучным сегментом права, нас засунули в самый угол корпоративного штаба и у нас всего лишь один угловой офис.

Офисы нашей фирмы расположены на восемнадцатом и девятнадцатом этажах дома номер 120 по Бродвею, в Нижнем Манхэттене. Это одно из свидетельств развивающегося капитализма бурных двадцатых – небоскреб, напоминающий электроорган. Существует легенда, что в страшном 1929-м добрая дюжина брокеров попрыгали из окон. Те, кому повезло иметь офис с юго-западной стороны здания, могли в последний момент перед полетом насладиться великолепным видом Нижнего Манхэттена. Привет, Господи, прощай, Мамона. *Шлен.*

---

¹⁰ Несчастье, кошмар (*идиши*).

Даже сегодня работники моей фирмы придают большое значение возможности иметь угловой офис. Только полноправные компаньоны пользуются такой привилегией. Но поскольку угловых офисов восемь, многие из наших старших юристов продолжают беспокоиться насчет того, когда же наконец они получают офис с двухсторонним видом из окон, которого они заслуживают. Точно так же помощники, работающие на восемнадцатом этаже, с нетерпением ждут, когда их сделают партнерами и переведут работать на девятнадцатый. А временные работники жаждут быть поскорее переведенными в постоянные. Клерки волнуются из-за медленного профессионального роста (вследствие отсутствия у них законченного юридического образования). А секретарши недовольны получаемой зарплатой.

В фирме «Лоуренс, Камерон и Томас» полно суеты. Но для большинства из нас там и денег навалом. Лично я предпочитаю не суетиться насчет расположения моего офиса (девятнадцатый этаж, восточная сторона здания, прекрасный вид на Бруклинский мост, собственная ванная комната, и непосредственно рядом с угловым офисом Джека Майла). И уж точно не возражаю я против примерно 315 000 долларов в год (в зависимости от участия в прибылях и премий), которые делают меня законным жильцом рая богатых налогоплательщиков. У моей работы есть и потрясающие льготы: бесплатное медицинское обслуживание; бесплатное членство в Спортивном клубе Нью-Йорка; возможность бесплатно пользоваться квартирой фирмы в Бэттери Парк-Сити; беспроцентные автокредиты; бесплатное пользование лимузином компании в радиусе пятидесяти миль от офиса в ночное время (Нью-Кройдон как раз сюда попадает); обеды за счет компании в ресторане «Четыре времени года» и так далее и тому подобное.

Если честно, у меня нет никакого резона быть недовольным своей компанией. Если забыть о работе. По этому поводу я постоянно раздражаюсь. Потому что она вгоняет меня в тоску. Надоедает до невозможности.

Разумеется, когда я начинал работать в фирме в сентябре 1983 года, я знал, что это благодатное место. Ведь случилось это в восьмидесятые, годы большого бума, когда каждый паренек с мозгами, окончивший юридическую школу, жаждал попасть на Уолл-стрит, в фирму типа «Лоуренс, Камерон и Томас», потому что корпоративную Америку одолели мусорные облигации и страсть к слияниям. Так что Уолл-стрит была самое то. Я подумывал, не присоединиться ли мне к какой-нибудь политически правильной фирме и провести первые пару лет в качестве юриста, защищающего нелегальных иммигрантов из Сальвадора. Но отец убедил меня, что стоит предпочесть крупную нью-йоркскую компанию.

«Даже если ты потом решишь стать Махатмой Ганди, – сказал он, – лет пять в приличной компании обеспечат тебе хорошую репутацию. Это будет означать, что ты не просто радатель за человеческие права, который не имеет представления о настоящем положении дел».

И я снова мысленно подготовил основной план. Я проработаю максимум пять лет в большой фирме, жить буду экономно, усердно копить деньги, а затем, когда мне еще будет чуть больше тридцати, переключусь на более живую отрасль юриспруденции. Я представлял себя борцом за земельные права индейцев или страстным защитником жертв наркотиков, родившихся с восьмью пальцами на одной руке. И разумеется, имея все эти деньги, накопленные во время каторги на Уолл-стрит, я смогу уделять значительную часть своего времени фотографии. Черт, в Америке навалом писателей-адвокатов. Почему бы мне не стать знаменитым адвокатом-фотографом?

Итак, я обратился в несколько крупных фирм на Уолл-стрит. Уверен, что тот факт, что президент компании, Лоуренс, оказался выпускником Йельского университета и знакомым моего отца, очень помог мне получить это место.

Как и все помощники-новички, я провел первый год, перемещаясь из отдела в отдел, что давало компаньонам возможность оценить новый талант и решить, в какой сфере его лучше использовать. В этой компании не было отдела, который бы занимался уголовными делами, равно как и сектора *pro bono*, где компаньоны успокаивают свою совесть, занимаясь бесплатно

делами, по которым грозит вышка. Фирма была беззастенчиво корыстна. И в разгар правления Рейгана каждый начинающий помощник из кожи вон лез, дабы произвести впечатление на самые солидные подразделения фирмы – судебные тяжбы, корпоративное право и налоги, где нам доводилось представлять интересы самых крупных бандитов в стране.

Я поработал в каждом из этих отделов и обнаружил, что там навалом парней с такими именами, как Эймс и Брэд, которые получают удовольствие от вспарывания брюха «противникам» и подсиживания друг друга. Разумеется, эта порода в значительной степени доминирует в корпоративной жизни Америки. Их воспитали на философии победы любой ценой, и они обожают говорить обвиняками, даже если обсуждают самые незначительные дела.

Мы хотим, чтобы ты жестко сыграл на задней линии... Мы, в этом отделе, не любим размашистых движений, а только аккуратные касания... Я задаю темп этому делу, ты понимаешь меня?

Групповая истерия и общая паранойя были привычны во всех этих отделах, так что, если не было нужды спорить, кто-нибудь обязательно придумывал какой-нибудь кризис (или врага), чтобы держать оппонента в воинственном напряжении. После нескольких месяцев перебрасывания метафорами, которые изобретали парни, превыше всего поставившие собственное превращение в «профессионалов», я сообразил, что для того, чтобы выжить среди театральных эффектов сексуального юридического отдела, ты должен смириться с их постулатом, что *бизнес – это война*.

Но поскольку я рассматривал юридическую практику только как способ добыть деньги для финансирования моей будущей профессии фотографа, я решил поработать в самом тихом отделе «Лоуренс, Камерон и Томас». Я понял, что обрел шанс выбрать нишу, в которой я мог бы спрятаться, заработать хорошие деньги и одновременно не сталкиваться с Наполеонами, рыскающими по другим отделам. А когда я познакомился с Джеком Майлом, я осознал, что нашел и ментора, своего раввина, человека, который уже многие годы назад решил, что доверительное управление и наследование дают возможность избежать внутренних свар, которые составляют шестьдесят процентов корпоративной жизни.

– Если тебя тянет к междоусобицам, если ты – как эти апачи из начальной школы, которые жаждут собирать скальпы, тогда я не могу тебе ничего предложить, – сказал он во время нашей первой беседы. – В нашем деле нет гламура, нет блеска. Дело это скучное, понял? Наш девиз: путь инфаркты зарабатывают гои.

– Но, мистер Майл, – возразил я, – я же гой.

Он сложил покрытые пигментными пятнами пальцы и громко щелкнул костяшками.

– Эта мысль приходила мне в голову, – сказал он, улыбаясь с хитрецей. – Но, по крайней мере, ты гой *тихий*.

Джек Майл носил туфли на высокой платформе. Но это были туфли на высокой платформе от *Гуччи*. Его густые темные волосы всегда были тщательно уложены и зачесаны назад. Он покупал костюмы индивидуального пошива «Данхилл». Он носил галстук с жемчужной булавкой, а зимой – черное кашемировое пальто. Он напоминал Джорджа Рафта – миниатюрный денди, решивший, что хорошая одежда является отличной защитой, если в тебе пять футов четыре дюйма роста и если ты единственный полноправный партнер-еврей в англо-саксонской фирме.

– Знаю, что они за спиной называют меня *счетоводом*, – как-то сказал он мне. – Но я также в курсе, что *они* знают, насколько много в фирме зависит от меня. Я приношу в фирму больше бизнеса, чем все эти епископальные зануды из судебного отдела. И еще я вот что понял насчет протестантов: дай им возможность заработать, и они сделают вид, что считают тебя ровней.

Джек обожал строить из себя чужака еврея, попавшего на территорию Газа, населенную обитателями Уолл-стрит – гоями. Думаю, он так быстро привязался ко мне отчасти из-за

того, что сразу почувствовал (и одобрил) мой статус чужака в фирме. Как я позднее выяснил (разумеется, от Эстелл), он закончил аспирантуру, хотел стать художником-абстракционистом в богемной Гринвич-Виллидж пятидесятых, прежде чем подчинился прессингу семьи и получил диплом юриста. Узнав, что я отодвинул в сторону свое страстное желание стать фотографом и ввязался в корпоративные игры, он испытал желание меня защитить и через пару недель после моего появления в отделе распустил слух по фирме, что спустя тридцать пять лет работы в «Лоуренс, Камерон и Томас» наконец-то нашел себе замену, своего *бойчика*.

– Если ты будешь делать все правильно, я позабочусь, чтобы тебя сделали полноправным партнером через пять лет, – заявил он, когда кончился мой двухмесячный испытательный срок в отделе. – Только подумай, абсолютно надежная карьерная перспектива к тридцати трем годам. И поверь мне, ты сможешь купить множество камер на деньги, которые будешь тут зарабатывать.

Еще одна приманка в стиле Мефистофеля болталась перед моим носом. *Партнерство*? В соответствии со своим жизненным планом я собирался проработать в «Лоуренс, Камерон и Томас» только пять лет, а потом найти подходящую работу в Беркли или Энн Арбор, где я могу стать знаменитым фотографом, который одновременно возглавит юридическую атаку на правое крыло торговцев белыми рабами из Христианской коалиции. Но *партнерство*? И так рано, в тридцать три года? Мой старик был бы в полном восторге. Так что, хотя доверительное управление не слишком меня возбуждало, я стал убеждать себя, что связанные с этими вопросами тонкости соответствуют моему характеру. Если я обожаю различные технические тонкости, связанные с печатанием фотографий, разве я не смогу постичь все хитрости составления завещаний? Ведь верно?

Телефон на моем столе зазвонил. Я нажал на кнопку и услышал гнусавый голос Эстелл:

– Ваша жена не отвечает, мистер Брэдфорд.

– Попытайся еще раз через полчаса.

– Мистер Майл интересовался, не найдется ли у вас минутки...

– Скажи ему, я зайду через пятнадцать минут. Только закончу с поправками в документе Берковича...

Поправки заняли не более пяти минут. Я слегка уточнил формулировки относительно выплат по доходам с тем, чтобы никакая заблудшая овца из клана Берковичей – наследников самого большого в Хантингтоне предприятия «Линкольн континентал дилершип» – ни при каких обстоятельствах не смогла бы потребовать доли в наследстве, если не будет упомянута в завещании. Затем я снял трубку, нажал кнопку быстрого набора и соединился со своим домашним телефоном. Услышал ответ:

– *Hola? Quien es?*

Черт! Пердита, наша полностью легальная (можете мне поверить, я проверял ее грин-карту) домработница из Гватемалы.

– *Hola, Perdita?* – сказал я. – *Donde esta Senore Bradford?*

– *Ha salido. Para todo el dia.*

– *Te ha dado un numero de telefona donde esta?*

– *No, senor.*

– *Y los ninos?*

– *Han salida con Fiona.*

Весь день нет дома. Не оставила номера телефона, по которому можно с ней связаться. А дети гуляют с няней. Я закусил нижнюю губу. Сегодня был четвертый день подряд, когда она уходила из дому в девять утра. Я это точно знал, потому что каждое утро пытался до нее дозвониться из офиса, надеясь каким-то образом с ней помириться.

– *Что-нибудь интересное сегодня?*

– *Нет.*

Я открыл записную книжку и набрал номер Венди Вэггонер – жившей по соседству писательницы, автора кулинарных книг (уверен, вы читали ее книгу «Волшебство для вашей талии: лучшая диета»). Она также была единственной знакомой мне сорокалетней дамой, которая продолжала носить килт в складку с огромными булавками. Вышла замуж за первоклассного кретина по имени Льюис, закончившего Йельский университет в 1976 году, который занимал крупный пост в отделе ценных бумаг и однажды поведал мне, что если не считать секретарей, то он не помнит, когда в последние годы разговаривал с кем-то, кто зарабатывает менее \$200 000 в год. Именно таких людей я всегда старался избегать, но Бет нравилась общаться с мелкими знаменитостями вроде Венди, и поэтому раз в неделю она играла с ней в теннис. Возможно, сегодня был именно тот день.

– *Hola? Hosteria de Waggoner.*

Еще одна горничная из Латинской Америки. Думаю, весь Нью-Кройдон обретает свою прислугу в агентстве занятости к югу от границы.

– Венди дома? – спросил я, внезапно притомившись говорить на нескольких языках в Коннектикуте.

– Сеньора Венди сегодня в городе. Что передать?

– Ничего, *gracias*, – сказал я и повесил трубку. Нет никакого резона давать Венди повод для любопытства, с какого это перепугу я звоню ей на неделе с утра пораньше в поисках жены. Не стоит давать ей тему для сплетен во время ее еженедельных званных обедов: *Я слышала, Брэдфорды уже не воркуют как голубки.*

Брэдфорды. Милостивый Боже!

Зазвонил телефон. Снова Эстелл:

– Мистер Майл интересуется...

– Уже иду, – сказал я.

Его офис был рядом с моим. Состоял он из двух комнат. Массивный письменный стол, как и полагается президенту. Слишком мягкие кресла. Стол красного дерева, за которым проводились совещания. Плохие картины эпохи федералистов. Своя ванная комната. Я дважды постучал и вошел. Он сидел в огромном кожаном кресле и выглядел еще меньше, чем обычно.

– Красивый костюм, – заметил он, разглядывая мой темно-серый костюм в полоску. – Брукс?

– Хьюго Босс.

– Позволяешь фрицам себя одевать?

– Вы могли бы познакомить меня с вашим портным.

– Ну, нет, – заявил он. – Я здесь единственный парень, которому позволительно одеваться, как Натан Детройт¹¹. Ты же должен выглядеть весь из себя Лигой плюща¹², чтобы потратить нашим клиентам из загородного клуба.

– Вроде Берковичей?

– Мистер Беркович считает тебя незаходящим солнцем.

– Что есть, то есть.

– Я серьезно. Я нахожу для фирмы такого *гонифа*¹³, как Беркович, и какой-нибудь хорошо воспитанный представитель голубых кровей, вроде тебя, относится к нему уважительно... Я тебе скажу, он теперь думает, что он Нельсон Рокфеллер. И я уверен, что он предоставит тебе большую скидку на новую «Эльдорадо»... хотя никто не видел, чтобы ты водил такую крикливую машину в том белом городе, где ты обретаешься.

– У нас в Нью-Кройдоне есть евреи, – возразил я, чтобы продолжить болтовню.

---

¹¹ Натан Детройт – игрок, персонаж фильма «Парни и куколки», которого сыграл Фрэнк Синатра.

¹² Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных на северо-востоке США.

¹³ Проходимец (*идиши*).

– Ну да... в качестве наемных рабочих. Так что там у тебя получается с документами Берковича?

– Требуется еще несколько уточнений по родственным связям, да еще два пункта, которые могут быть оспорены, относительно оставшихся выплат по доверительному управлению. Пустяки.

– Жаль, что я не могу сказать того же самого насчет дела Декстера, – заметил Джек.

– Недавно умерший Дик Декстер из компании «Медь и кабели»?

– Тот самый поц. И как мне представляется, очень активный поц, потому что сейчас из Чили объявились три крайне удрученные его смертью дамы в возрасте от пятидесяти четырех до двадцати двух лет, которые утверждают, что за последние двадцать лет родили мистеру Декстеру детишек.

– При чем здесь Чили?

– Самый крупный производитель меди в мире. И никакая это не банановая республика, потому что на меня дважды в день насаждает этот хитрожопый адвокат из Сантьяго и грозит добиться эксгумации тела и анализа ДНК, чтобы доказать, что вся эта троица – детки Декстера. Жаль, что Господь не смилостивился и Декстеру не хватило ума настоять на кремации в своем завещании. Тогда я мог бы послать этого пройдоху куда подальше. Но этот тип – та еще штука: изучил закон о завещаниях вдоль и поперек.

– Сколько он надеется отхватить?

– По десять миллионов на ребенка.

– Вы не посоветовали ему отвалить?

– Нет. Я предложил по пятьсот тысяч на ребенка. Но думаю, удастся сойтись на миллионе сто.

– Миссис Декстер, вероятно, была вне себя от радости, когда узнала, что станет на три миллиона с гаком беднее?

– Этот Декстер после уплаты налогов стоил примерно сорок семь миллионов. Так что она вполне может позволить себе отдать три миллиона триста, особенно если ей не захочется всей этой суеты с эксгумацией, которая гарантирует внимание прессы. Ты бы видел эту даму – жена Декстера сделала столько пластических операций, что у нее на шее узел. Туда стянули все лишнее.

– Ну, во всяком случае, это повеселее, чем дело Берковича.

– Есть свои плюсы. Помогает провести время.

Он улыбнулся устало и безрадостно. Мне эта улыбка не понравилась.

– Садись, Бен, – сказал он.

Я послушался. Загудел его телефон, вошла Хилди, секретарша Джека:

– Простите, что мешаю, мистер Майл, но звонили из офиса доктора Фробишера...

Джек остановил ее на половине предложения:

– Скажи им, что меня здесь нет. Что-нибудь еще?

– Мистер Брэдфорд, Эстелл просила передать, что она снова пыталась дозвониться до вашей жены, но...

Теперь пришла моя очередь перебить ее:

– Все в порядке Хилди. Поблагодари за меня Эстелл.

Джек отключил телефон и внимательно посмотрел на меня:

– На домашнем фронте все в порядке?

– Нормально, Джек. Все в ажуре.

– Врешь.

– Заметно?

– Ты отвратительно выглядишь, Бен.

– Ничего такого, с чем нельзя было бы справиться с помощью двадцати четырех часов сна. Зато вы... вы выглядите по-деловому.

– Неправда, ничего подобного, – сказал он.

– Ну, верно, – сказал я, стараясь отвлечь его от моей семейной жизни, – выглядите как человек, который только что провел пару недель с стриптизершей в Палм-Спрингс.

– Теперь ты несешь полную хрень.

– Простите, – извинился я, удивленный его раздраженным тоном.

Он тупо уставился на свой стол и сидел так, как мне показалось, несколько минут. Затем сказал:

– Я умираю, Бен.

Глава четвертая

Такси попало в пробку на 34-й улице между Шестой и Седьмой авеню. Меня это не позабавило, тем более что я дал указание водителю (Бено Намфи, лиц. № 4И92) ехать на запад по 23-й, а затем прямо на север по Восьмой авеню. Но парень знал не больше десяти слов по-английски, да и вообще меня не слушал, поскольку радио у него было включено на полную громкость – какая-то гаитянская станция, изрыгающая популярную музыку, прерываемую звонками поклонников вуду. Я рассердился. Очень рассердился.

– Я же велел вам избегать этой улицы, – сказал я.

– Чево? – последовал ответ.

– *Избегать этой улицы.*

– Не мочь избегать. Мы тут.

– Почему вы не слушаете клиентов? Чему вас учили на курсах для таксистов?

– Не гони. Мы приехать.

– Я не просто хочу туда приехать, – окончательно вышел я из себя. – Я хочу приехать туда *быстро*.

Он криво улыбнулся:

– Плохой день сегодня?

Это было последней каплей.

– Чтоб ты сдох! – выкрикнул я, распахивая дверцу машины, швырнул пять долларов в окно водителя и зашагал вниз по 21-й улице, бормоча себе под нос, как те парни, которые продают ручки у Блумингдейла. Пройдя футов двадцать, я прислонился к телефонной будке, стараясь успокоиться.

Я умираю, Бен.

Неоперабельный рак желудка. Он выяснил это две недели назад, но этот крутой корытшка никому ничего не сказал, даже жене.

– Они сказали, еще месяцев восемь, от силы год. Ты бы посмотрел на этого сантехника, которого они ко мне приставили. Доктор Гораций Фробишер. Похож на Рэймонда Мэсси, а ходит с таким видом, будто он всемогущий Господь Бог. Знаешь, как он мне это все сообщил? «На вашем месте я бы начал приводить свои дела в порядок». Как будто он гребанный юрист.

Он хотел, чтобы «новости» не распространялись по фирме.

– Я не собираюсь соглашаться на химию, операцию или еще какой-то дурацкий метод, который они жаждут на мне испробовать. Если это смертельно, значит, смертельно... поэтому я возьму у них рецепт на болеутоляющие лекарства и стану появляться в офисе, пока...

Он замолчал, сжал губы и уставился в свое окно на снующих по Уолл-стрит пешеходов, каждый из которых выглядел целеустремленным.

– Знаешь, что труднее всего? – тихо спросил он. – Осознать, что ты прожил всю жизнь, не думая о таком моменте. Делая вид, что каким-то образом тебе никогда не придется столкнуться с ним. Когда ты наконец узнаешь, что нет надежды ни на какие перемены, нет никаких вариантов, что о другой жизни нельзя даже мечтать. Когда ты даже не можешь погрузиться в свою фантазию и представить себе, что будешь делать все иначе, потому что все твои дороги закончились...

Он повернулся ко мне. Глядя мне прямо в глаза, он сказал:

– Ты станешь новым полноправным партнером, Бен.

Я вздрогнул. Невольно, но Джек заметил. И ничего не сказал. Потому что он знал. Он знал совершенно точно, что это для меня значит. Полмиллиона в год, куча корпоративных льгот... и конец моей другой жизни. Той неосуществленной жизни за видоискателем. Жизни, которая остается только мечтой. Иногда горько-сладкой, иногда (в плохие дни) болезненной, но

никогда не оставляющей вас в покое, потому что вы понимаете, что выбрали самый спокойный вариант. А покой, как вам уже пришлось убедиться, – это особая форма ада.

– Эй, послушайте.

Я обнаружил, что смотрю сквозь стекло телефонной будки на типа лет сорока, чье волосатое брюхо торчит из-под футболки, покрытой разнообразными пятнами от еды. Чтобы я обратил на него внимание, он постучал четвертаком по стеклу.

– Ты, – сказал он, – хочешь куда-нибудь прислониться, найди себе стенку.

Мои пальцы сжались в кулаки.

– Что ты такое сказал, жопа с ручкой?

– Жопа с ручкой? Сам ты жопа с ручкой, дровича.

Меня охватила ярость, такая дикая и неуправляемая, что я почувствовал себя бесстрашным. И готовым разорвать эту жирную сволочь на куски. Вероятно, он почувствовал, насколько опасным я внезапно стал, потому что побелел от страха, когда я сообщил ему тихим ровным голосом:

– Считаю до трех. Если ты к тому времени не исчезнешь, я тебя убью. И я не просто тебя изобью, я сломаю твою поганую шею.

Его глаза теперь превратились в две лужицы, наполненные страхом. Я почти слышал, как он потеет.

– Эй, слушай, ты что, не злишь, лады? – сказал он. – Просто у меня сегодня тоже плохой день выдался.

– У меня вовсе не плохой день, – сказал я. – У меня ужасный день. Но, убив тебя, я могу взбодриться. Один... два...

Он выскочил из телефонной будки и пустился рысью вниз по улице, причем его жирное тело тряслось, как желе. Я зашел в будку и схватил трубку. Моя рука дрожала.

Этот долбанный город. Из любого может сделать зверя. Хорошо еще, что этот толстяк был без оружия. *Убит за то, что прислонился к телефонной будке.* Идеальный конец идеального дня в Нью-Йорке.

Мне понадобилась минута, чтобы перестать трястись. Надо хоть немного поспать. Разобраться во всем. Иначе сойдешь с ума.

Я выудил телефонную карточку из своего бумажника и позвонил домой. После нескольких длинных звонков я услышал собственный голос на автоответчике.

– *Привет. Вы позвонили Бену и Бет Брэдфорд. В данный момент мы не можем подойти к телефону...*

Бен и Бет Брэдфорд. Я всегда говорил ей, что, если мы поженимся, ей следует оставить свою фамилию.

– Я буду жить с тобой всегда, – сказала она одним пьяным вечером в январе 1988 года, когда мы допивали вторую бутылку вина, – но я никогда не выйду за тебя замуж.

– Но если мы...

– Ни за что, – сказала она и хихикнула.

– Ладно, все ясно. Но давай скажем, *гипотетически*, что в один идиотский прекрасный момент мы решим... уф, закрепить отношения между нами...

– Тогда я возьму твою фамилию.

– Это очень старомодно с твоей стороны, – заметил я.

– Не-а... – возразила Бет, – просто практично. В смысле, Бет Брэдфорд будет выглядеть значительно лучше на суперобложке, чем Бет Шитцлер. Но... – она одарила меня одной из своих хитрых улыбок из серии «я бы раздела тебя зубами», – мы с тобой не будем жениться.

Тысяча девятьсот восемьдесят восьмой. Мы жили вместе всего пять месяцев, а при моей зарплате, которая постоянно повышалась, мы могли позволить себе платить две тысячи ежемесячно за аренду квартиры на верхнем этаже в Сохо. Мы не случайно решили поселиться в

центре. Ведь мы оба имели надежную работу, не считали себя яппи, так что мысль поселиться где-нибудь в восточной части или на Маррей Хилл, среди белой кости, представлялась нам, будущим людям искусства, кощунственной.

Будущие люди искусства. Так нас называла Бет. Разумеется, в ее голосе всякий раз звучала насмешка. Но если честно, то было время, когда мы искренне верили, что через год-другой перестанем быть рабами, трудящимися за зарплату. И каждый будний день, перед тем как отправиться в редакцию, Бет вставала в шесть и три часа работала над романом, который, как она надеялась, принесет ей литературную известность. Она отказывалась показывать мне незаконченную книгу, не говорила даже, как она будет называться, до того дня в марте 1989 года, когда протянула мне рукопись в четыреста тридцать восемь страниц и сказала:

– Называется «Манеж амбиций».

Это был второй роман Бет. Ее первый роман, «За стенами тюрьмы», так и не был напечатан. Бет написала его сразу же после окончания Уэллсли, где она была редактором студенческого литературного журнала и завоевала несколько премий за свои рассказы. Она также получила аспирантскую стипендию для проживания в некоем литературном убежище в Шотландии, и именно там она написала «За стенами тюрьмы: Билдингсроман» (слово Бет, не мое). Это был роман о молодой, неотесанной девушке, пытавшейся приспособиться к загородной жизни в графстве Уэстчестер, одновременно ухаживая за матерью, умирающей от рака груди. Когда мамочка наконец выпускает дух, она поступает в элитный женский колледж в Новой Англии и там влюбляется в кусок дерьма, хотя все же находит свою «музу» как художница. Это было, плюс-минус несколько деталей, изложение жизни самой Бет, написанное в стиле, который, пожалуй, можно назвать чувственно-девичьей лирикой. (*Той осенью, под розовым небом, мама начала шить килт на нашем заднем дворе...* в таком роде.)

Когда Бет вернулась из Шотландии, она послала роман «За стенами тюрьмы» в пятнадцать агентств в Нью-Йорке, и ни одно из них его не напечатало (основной отговоркой было то, что в том году были напечатаны три первых романа, лирически повествующих о детстве различных персонажей, омраченном онкологическими заболеваниями матерей). Разумеется, Бет была разочарована, но не собиралась сдаваться. Она нашла должность помощника редактора художественной литературы в «Космополитен», чтобы было чем платить за квартиру, пока она пишет второй роман.

– Знаешь, чем я зарабатываю себе на жизнь? – спросила она меня, когда мы впервые встретились на свадьбе приятеля. – Я читаю от пяти до семи рассказов, и во всех рассказывается об одиноких женщинах, ищущих свою точку «джи».

Я рассмеялся и незамедлительно влюбился. Она была умной, занятой и очень целеустремленной. Целью ее было – стать писательницей. Она твердо намеревалась избежать каторги жизни в пригороде, в которую попала ее мать. Примерно через три недели после того, как мы стали встречаться, она наконец рассказала мне о смерти своей матери.

– Понимаешь, она была во всем разочаровавшейся женщиной. В моем возрасте она занималась пиаром, и очень в этом преуспела. Потом работала бухгалтером в одной фирме в Нью-Йорке. Но стоило ей выйти замуж за моего отца и забеременеть, всему этому пришел конец. Она попала в тюрьму, где вся жизнь ее состояла из заседаний школьного комитета, кофе по утрам и ужинов дома, когда папа возвращался с работы с семь часов. Она была замечательной мамой. Но, бог мой, как же она в душе ненавидела ту жалкую жизнь, которую была вынуждена вести и с которой смирилась, как почти каждая женщина ее поколения. Я не сомневаюсь, что она и раком заболела отчасти оттого, что превратилась в домашнюю хозяйку, зависящую от мужчины, которого она со временем разлюбила.

Я взял ее за руку.

– Не беспокойся, – сказал я, – с нами такого никогда не произойдет.

Ее голос был холодным, как сталь:

– Я уверена, что нет.

В литературном отделе «Космополитена» Бет работала на двух лесбиянок, которых звали Лори и Гретель. «Женское братство», – называла их Бет, но они относились к ней так душевно, что даже нашли агента, чтобы продвигать ее следующую книгу, «Манеж амбиций». И снова героиней этого романа была молодая, неуклюжая девица, все еще переживающая смерть от рака груди своей матери, которая переезжает в большой город, намереваясь стать великим художником. Но чтобы свести концы с концами, ей приходится устроиться на работу в глянце-вый журнал, где ее повышают до художественного директора, она влюбляется в дерматолога и к концу книги пребывает в конфликте между домашними обязанностями и «внутренним голосом» своей музыки.

В течение пяти месяцев после завершения романа от него отказались двадцать пять издательств, но, боже мой, как мучительно близка была удача в трех из них. Редактор в «Атене-уме» сказал Бет, что хочет напечатать ее роман, но через две недели после этого потерял свою работу в результате какой-то редакционной заварушки (а его урод бухгалтер не увидел в романе «коммерческих» возможностей). На этот раз разочарование Бет было очень глубоким, но все – агент, лесбиянки и я собственной персоной – лезли из кожи вон, чтобы вселить в нее уверенность, убеждая ее, что все рассказы о триумфальном явлении миру знаменитых писателей забывают упомянуть, что до этого триумфа как минимум пять их работ было завернуто.

– Тебя *обязательно* напечатают, – сказал я ей несколько месяцев спустя, когда пришло последнее письмо с отказом. – Только не теряй присутствия духа.

– Лезь на каждую гору, переходи через каждую реку, – мрачно пропела она, затем добавила: – И кстати, дорогая, опускай подбородок, когда блюешь.

Той осенью Бет опускала подбородок довольно часто, поскольку страдала от хорошо известного недуга, называемого утренней тошнотой. Она подхватила эту болезнь одним вечером, когда мы вернулись из местного итальянского ресторанчика на Принц-стрит. Перегруженные кьянти, мы начали срывать друг с друга одежду, как только вошли в квартиру, и не сочли нужным побеспокоиться о таких пустяках, как диафрагма Бет. Уж эта пьяная страсть. И утренние сожаления с похмелья.

– Мы вели себя как последние идиоты, – заявила Бет, когда мы мучились похмельем во время завтрака в «Одионе» на следующий день. – Особенно если учесть, что я как раз в середине цикла.

– Да не волнуйся ты, – утешил ее я. – Вряд ли мои ребятки способны плыть против течения.

– Меньше всего нам сейчас нужен ребенок.

– Да ничего не будет, детка.

Но, увы, все произошло.

– Ты хочешь, чтобы я его оставила? – спросила она в тот вечер, когда мы узнали эти новости.

– Конечно, – сказал я. Но правдой это было только наполовину. Идея отцовства – и связанная с этим ответственность – приводила меня в ужас. Но я отчаянно не хотел терять Бет. Несмотря на ее уверения, что мы никогда не поженимся, за те два года, что мы жили вместе, я не меньше пяти раз делал ей предложение, но она мне всегда отказывала. Бет каждый раз ласково объясняла мне, что, хоть она и собирается прожить со мной длительный срок, понятие «замужество» слишком «буржуазно» для таких будущих людей искусства, как мы. Теперь, когда я вспоминаю то время, я догадываюсь, что уже тогда что-то во мне побаивалось ее сильной тяги к личной независимости. Я знал, что она меня любила и хотела быть со мной, но мне еще нужно было знать, что она не сможет с легкостью уйти от меня. Поэтому, обнаружив, что мы превратились в будущих родителей, я умудрился убедить себя, что ребенок прочно и навечно привяжет нас друг к другу.

Еще я знал, что при всех ее заявлениях насчет свободы выбора Бет никогда не станет прерывать беременность. Ей уже пошел тридцать второй год, биологические часы тикали, а ее романы все не попадали в печать. Разумеется, она затевала скандалы насчет того, что становится копией своей матери, но я относился к ним с большим терпением. Мы будем продолжать жить в городе. Она будет продолжать работать. Найдем няню на целый день для младенца. Она сможет продолжать вставать в шесть утра и работать над своим романом, прежде чем уйти на работу. Я уверял ее, что жизнь наша ничуть не изменится.

– Ничего не выйдет, – возразила она.

– Очень даже выйдет. И после того как мы поженимся...

– Так я и знала, что ты это скажешь.

– Нам стоит это сделать. В смысле, мы ведь и так живем как...

– Ты никак не хочешь сдаться, верно?

– А почему я должен сдаваться, если дело касается тебя? – поинтересовался я.

– Лесть не приведет тебя...

– Еще как приведет, – сказал я, прижимая ее к себе. От души поцеловал.

Тогда она взяла мое лицо в ладони и внимательно посмотрела на меня.

– Думаешь, мы об этом не пожалеем? – спросила она.

– Ты знаешь, что нет.

– Тут и конец нашим мечтам насчет искусства.

– Мы обязательно своего добьемся.

– Может быть... но если я когда-нибудь, вообще когда-нибудь заговорю о том, что надо переехать в пригород, пристрелили меня.

Я не стал напоминать ей об этих словах через тринадцать месяцев, когда она в панике позвонила мне в офис.

– Ты должен немедленно приехать домой, – сказала она, явно с трудом удерживая себя в руках. Мое сердце остановилось. Адаму едва исполнилось шесть месяцев. «Смерть в колыбели», менингит, детский энцефалит...

– Скажи мне... – начал я.

– Блевотина, – зарыдала она. – Он весь в блевотине. Черт бы побрал этого придурка...

Упомянутый придурок был бомжем, который устроился в аллее напротив нашей квартиры на Кинг-стрит. Бет, которая все еще была в послеродовом отпуске, пошла с Адамом прогуляться. Внезапно этот тип появился на ее пути. Его белая борода до пояса вся заскорузла от слюней и соплей.

– Миленькая мамочка, славный гребаный малыш. Дай дяде доллар, а? Всего лишь один...

Но он не успел закончить фразу, внезапно позеленел и вывалил весь свой ленч на Адама. Бет завизжала, Адам закричал, бомжа забрали два подъехавших в патрульной машине копа, а позднее в тот день педиатр взял у родителей Адама двести долларов в обмен на заверение, что их ребенок не мог подхватить ВИЧ, гепатит или бубонную чуму, искупавшись в блевотине уличного бродяги. Еще через десять дней, когда мы гуляли с Адамом в парке на Вашингтон-сквер, колеса его маленькой коляски с громким хрустом давили пустые ампулы, и я предложил поискать для нас дом в Коннектикуте.

– Поверить не могу, что мы до этого дошли, – сказала Бет, когда я предложил купить дом в Нью-Кройдоне.

– Я тоже. Но послушай, мы оба будем в городе каждый день, так ведь? А Нью-Кройдон прекрасный город для детишек. Ты же сама говорила, что не хочешь растить своего ребенка в Калькутте.

– Я знаю, что я говорила. Я знаю все, что ты можешь сказать.

– Послушай, если мы не выдержим, мы продадим дом и снова вернемся в город.

– Никогда мы не вернемся, – мрачно сказала она.

«За забором» – третий роман, который Бет начала писать через несколько месяцев после того, как мы переехали в Нью-Кройдон. Я получил очередную прибавку к зарплате и был настолько этим горд, что в приступе благодушия совершил большую ошибку – уговорил Бет бросить работу и посвятить все время написанию романов.

– Ты же зарабатываешь всего двадцать семь тысяч в год, то есть столько, сколько я приношу домой каждый месяц, – заявил я. – У нас теперь есть место, где ты могла бы устроить себе настоящий кабинет. Адам целый день с няней, а ты постоянно жаловалась, как трудно совмещать работу с писательством... Так чего же ты ждешь?

Она некоторое время колебалась, отнекивалась, беспокоилась о том, что будет целыми днями сидеть дома, что оторвется от настоящей жизни, что у нее снова выйдет облом с романом. Но я продолжал настаивать – мягко, но упорно. Почему? Может быть, я не хотел, чтобы один из нас ждал, когда станет человеком искусства. Или мне нравилось чувствовать себя мужчиной, мачо, способным содержать жену, жаждущую стать писательницей. Или мне хотелось, чтобы она сидела дома и ничего бы у нее не получалось. Неудачникам всегда требуется компания.

«За забором» Бет писала примерно два года. Неуклюжая девушка-подросток, ушибленная ранней смертью матери, добивается больших успехов в журнальном мире Нью-Йорка. Затем все меняется, она выходит замуж за дерматолога своей мечты, переезжает с ним в идеальный картонный городок в Коннектикуте, где вдруг решает осуществить свою старую мечту и стать художницей. Но рождает ребенка и разрывается между материнскими обязанностями и несостоявшейся карьерой, ссорится с мужем и так далее и тому подобное.

Оставьте место для четвертого тома саги Бет Брэдфорд.

Только четвертый том никогда не был написан. Ей так и не удалось найти издателя для «За забором». Агенту роман понравился, лесбиянкам тоже, даже мне понравился (я всегда втайне думал, что два предыдущих тома писались исключительно для самоудовлетворения). Роман разослали двадцати четырем издателям. К тому времени как пришел последний отказ, Бет уже была беременна Джошем и, чувствуя себя попавшей в ловушку домашней рутины, стала отдаляться от меня.

Ее агент, Мелани, как-то сказала:

– Понять ничего не могу. Вы мой самый невезучий клиент. Может быть, вам стоит попробовать написать что-то другое, не до такой степени привязанное к вашей собственной жизни.

Я заметил:

– А знаешь, Мелани права. Ты должна попробовать другой жанр. Что-то совсем новое.

– Никаких романов больше не будет, – заявила Бет. И когда я попытался ее утешить, она велела мне заткнуться.

Итак, Бет перестала работать в кабинете и перенесла внимание на мебель колониального периода. Родился Джош, он отказывался спать, Бет отказывалась заниматься со мной сексом и отказывалась объяснить, почему она отказывалась. Она продолжала покупать безделушки восемнадцатого века. Я продолжал покупать оборудование для своей темной комнаты, мы оба избегали говорить о том, почему наш брак так забуксовал, зашел в тупик. Но мы оба признавали, в чем дело. Она винила меня за то, что я заставил ее повторить судьбу матери, вынудив талантливую и независимую женщину медленно загнивать за городом.

Я предложил сходить к психотерапевту. Я предложил на время расстаться. Она пожалала плечами и сказала: «Давай, если хочешь». Я возразил, что хочу вовсе не этого. «Тогда оставайся», – сказала она. Я заявил, что нам надо поговорить о наших проблемах. «Каких проблемах?» – спросила она. Я сказал, что мы теперь вообще не разговариваем. «Но сейчас же мы говорим», – возразила она. Я ответил, да, сейчас мы говорим, но вовсе не о наших проблемах. «Каких проблемах?» – снова спросила она.

«О том, что ты во всем винишь меня». – «Ты же хотел жениться, – напомнила она. – Ты захотел сюда переехать. Ты хотел, чтобы я бросила работу и занималась только писательством. Зачем обсуждать какие-то „проблемы“, когда ты получил все, чего добивался?» Я сказал, что все совсем не так, я не заставлял ее силой что-то делать. «Верно, – согласилась она, – ты только использовал все те приемы, которым тебя обучили в юридической школе». Я сказал, что это несправедливо. «Не смей говорить мне о справедливости, – огрызнулась она дрожащим от злости голосом. – В этой ситуации и не пахнет справедливостью». Я попросил ее, по крайней мере, обсудить... Но она перебила меня: «Нечего обсуждать. У нас нет никаких проблем». Она вышла из комнаты, и я понял, что потерял ее.

– Вы что, арендовали эту будку?

Я очнулся от воспоминаний и заметил, что меня пристально разглядывает маленькая толстенькая дама лет шестидесяти, которая держала в руках большую сумку, набитую старыми газетами.

– Мне очень жаль, – пробормотал я, выходя из будки.

– И поделом, – крикнула она мне вслед.

Но мне действительно жаль, хотелось мне закричать, мне хочется попросить прощения за массу вещей.

Я перешел через Седьмую авеню, увертываясь от продавцов одежды и их передвижных вешалок со шмотками, повернул на север через два квартала и пошел на запад к 33-й улице. Он знал, что я приду (я заранее позвонил из офиса). И когда я подошел к входной двери, Тед уже открывал ее.

– Мистер Брэдфорд, – улыбнулся он.

Тед был менеджером в «Аптон Камераз» – сокровищнице первоклассного фотографического оборудования. Ему было примерно столько же лет, сколько и мне, волосы поредели, и зимой и летом он носил рубашки с короткими рукавами. Тед бы экстрадружелюбен и любезен со мной, потому что я был его лучшим клиентом. За последние два года я истратил тысячу двадцать в его магазине. Вот почему Тед так меня любил. Вот почему он открыл мне дверь и сказал:

– Ну, она уже прибыла.

Она была новой превосходной профессиональной камерой «Кэнон EOS-IN RS». Совершенно потрясающая вещь: автоматическая фокусировка, не говоря уже про молниеносный вращательный электропривод, позволяющий делать десять снимков в секунду. Как раз такая камера, которая была бы нужна для работы над быстро развивающимся сюжетом. Или стремительным спортивным состязанием. Я заказал ее, прочитав о ней хвалебную статью в «Популярной фотографии». По сути дела, такая камера была мне не нужна, я прекрасно понимал, что она будет пылиться на полке рядом с другими камерами. Но все равно я ее хотел. Хотя бы потому, что это было лучшее, что сейчас предлагалось на рынке. Я ведь все еще будущий человек искусства, который может позволить себе заплатить \$ 2499 плюс налог за эту японскую игрушку.

Тед уже распаковал камеру к моему приходу и выложил ее на витрине. Выглядела она сногшибательно: резковатый, но изящный корпус (прочный алюминиевый сплав, вылитый под давлением), черная окантовка. Камера также характеризовалась великолепной эргономикой, рукоятка была идеально выполнена, а весь корпус камеры отличался приятной для руки прочной тяжестью. И объектив (шестидесятимиллиметровый 1:14) обеспечивал идеальную резкость, столь необходимую для работы в новостях.

– Попробуйте спуск затвора, – посоветовал Тед.

Я нажал на черную кнопку. Как будто нажал на спуск автомата. Послышалось резкое *та-та-та* – это заработал вращательный электропривод.

– Отщелкивает всю пленку в тридцать шесть кадров за четыре секунды, – сказал Тед. – Вот такая скорость. Но думаю, вам больше всего понравится ее продвинутая многоцелевая система контроля и пять вариантов метражной шкалы на выбор.

– Как вы думаете, а мне не стоит прикупить к ней систему вспышки «Автозум»?

– Странно, что вы об этом заговорили, – сказал Тед. – Я как раз заказал одну на случай, если вы заинтересуетесь.

– Мысли читаете?

– Просто вспомнил, что вы жаловались на ту систему, которой вы пользовались, говорили, что она не сочетается с девяностопятимиллиметровым фотообъективом. Ну, так эта новая система «Кэнон» не только имеет фокусное расстояние от широкоугольника двадцать четыре до телевика сто пять миллиметров, но также, задействовав встроенную широкоугольную панель, вы сможете использовать диапазон сверхширокоугольников восемнадцать миллиметров, что идеально подходит для ландшафтных съемок при слабом освещении.

– И на сколько это меня разорит?

– На ней проставлена цена в триста тридцать четыре доллара, но я дам вам профессиональную скидку в двадцать процентов.

– Продано, – сказал я.

Профессиональная скидка в двадцать процентов. Тед был талантливым продавцом. За все те три года, прошедшие с того времени, как я отыскал его магазин, он ни единого раза не спросил меня, чем я зарабатываю на жизнь (хотя моя одежда и деньги, которыми я разбрасываюсь, явно говорили, что я прямиком с Уолл-стрит). Более того, он всегда обращался со мной как с коллегой-профессионалом и ограничивался в своих разговорах лексикой, относящейся только к первоклассному фотографическому оборудованию. Но я часто задумывался, не кажусь ли я ему богатеньким болваном, готовым переплачивать за дорогую технику, которую не станут покупать даже настоящие профессионалы, а болван будет это делать только потому, что он *nouveau riche*. И замечал ли он, как я виновато морщусь, протягивая ему свою платиновую карточку «Америкэн Экспресс», чтобы заплатить за все эти абсурдные игрушки?

– Итак, с налогами получилось две тысячи девятьсот сорок семь долларов, – сообщил Тед, пока машина зажужжала, обрабатывая кредитку, и выплюнула счет.

– Прекрасно, – хрипло отозвался я и расписался в положенном месте, при этом заметив, что ладони у меня вспотели.

Почти три тысячи баксов за камеру, которая мне совершенно не нужна. Я не знал, что чувствую – отчаяние или пьяный восторг человека, который только что растратил семейное достояние. Только, разумеется, я ничего не растратил. Три штуки для меня были мелочью.

– Не возражаете, если я воспользуюсь вашим телефоном? – спросил я.

Тед протянул мне радиотелефон. Я вытащил свою телефонную карточку.

– Не надо, – остановил меня Тед.

Я набрал свой домашний номер и подождал. Один звонок. Второй. Третий... Четвертый...

Привет, вы позвонили Бену и Бет...

Я нажал на кнопку отсоединения и набрал номер моего офиса.

– Кто-нибудь звонил? – спросил я у Эстелл, когда она ответила.

– Несколько деловых звонков, ничего срочного.

– А жена звонила?

Она помолчала, затем сказала:

– Простите, мистер Брэдфорд.

Я закусил губу и вернул телефон Теду. Он вел себя так, будто и не заметил, что я звонил и что в моем голосе слышится беспокойство.

– Думаю, вы останетесь довольны вашим новым приобретением, – сказал Тед, разворачивая новую «Темба Венче Пэк» (лучшая в мире сумка для фотокамеры, если верить их рекламе, – впрочем, у меня уже три таких). Он упаковал туда мою новую камеру и остальные покупки.

– Гм... Я эту сумку не покупал, – заметил я.

– Это вам подарок от магазина.

– Спасибо, Тед.

– Да нет, это вам спасибо, мистер Брэдфорд, как обычно. И вы знаете, что мы всегда к вашим услугам.

Мы всегда к вашим услугам. Розничная терапия. Но, шагая вниз по 33-й улице, я не испытывал терапевтического блаженства. Только беспокойство. Особенно когда я увидел идущую прямо мне навстречу Венди Уэггонер.

– Эй, привет тебе, Бен Брэдфорд.

Сегодня никаких клетчатых юбок в складку. Наоборот. На ней был деловой черный костюм от Армани. Светлые волосы подстрижены в стиле Одри Хепбёрн. У нее была идеальная фигура, которая намекала на великосветское воспитание и правильный уход. Ее сопровождал некто очень высокого роста, весь в Версаче, в очках от дизайнера и с седым хвостом. Он оглядел мой плащ от Берберри и сумку из магазина фототоваров с плохо скрываемым презрением. Венди расцеловала меня в обе щеки.

– Бен, познакомься с Джорданом Лонгфеллоу, моим редактором. Бен наш сосед в Нью-Кройдоне.

– Почти сосед, – поправил я (на самом деле она со своим клятым мужем живет примерно в миле от нас).

– Выбрался в город? – спросила она. – Шопинг?

– Вот камеру купил, – признался я.

Она повернулась к своему модному спутнику:

– Бен – фотограф и одновременно случайно юрист. Ты ведь печатаешь юристов, не правда ли, Джордан?

Он сверкнул зубами.

– Кое-кто из моих лучших авторов – юристы, – сказал он. – Вы писатель, Бен?

– Он пишет завещания, – сказала Венди.

Мне хотелось ее придушить. Но вместо этого я выдавил улыбку. Джордан взглянул на часы.

– Пора бежать, – сказала Венди. – Большое редакционное совещание по поводу новой книги. Вы с Бет придете к Хартли в субботу?

Сидя в такси на пути в офис, я еле сдерживался, чтобы не высадить кулаком стекло. *Бен – фотограф и одновременно случайно юрист. Большое редакционное совещание по поводу новой книги.* И Пулицеровская премия за 1995 год присуждается гребаной Венди Хэмингуэй за «триста шестьдесят пять рецептов мясного рулета».

Я перестал злиться где-то около пяти, после трех часов напряженной работы над остатками доверительного управления, когда мне позвонила Эстелл:

– Ваша жена на второй линии, мистер Брэдфорд.

Я почувствовал, как взыграл адреналин. Постарайся говорить спокойно, без раздражения.

– Привет, – сказал я.

– Не вовремя позвонила? – спросила она на удивление приятным тоном.

– Ничего подобного.

– Просто... меня с детками пригласила на ужин Джейн Сигрейв...

– Без проблем. Я собирался поработать попозже, вернуться поездом в семь сорок.

– Если хочешь, я оставлю тебе что-нибудь на ужин...

Надо же, мы практически цивилизованно разговариваем.

– Мне пива достаточно.

Бет Брэдфорд рассмеялась. Это уже обнадеживало.

– Хороший день? – спросила она.

Благодарю тебя, Боже! Впервые за две недели она сказала мне что-то приятное. Я решил не говорить ничего о Джеке.

– Средне. Эстелл загребли за торговлю кокаином. В остальном...

Бет Брэдфорд снова рассмеялась. Наконец-то был объявлен мир.

– А ты как? – спросил я. – Чем ты занималась?

– Да ничем особенно. Приятный ленч с Венди в Гринвиче.

– Венди Вэгтонер? – уточнил я.

– Единственной и неповторимой, – хихикнула Бет.

Я постарался сохранить спокойствие:

– Ну и как там Венди?

Глава пятая

Неожиданно мы снова начали ладить. Появившись в тот вечер дома, я получил поцелуй и предложение очень сухого мартини.

(Предложение я принял.) Она спросила меня, как прошел день, и очень сокрушалась, когда я рассказал ей о Джеке. Она вроде бы осталась довольна моим сообщением о возможном полноправном партнерстве и с воодушевлением рассказывала о диване, который обнаружила в одном из магазинов и который якобы когда-то стоял в кабинете Ральфа Альдо Эмерсона¹⁴. Она сделала мне омлет с травами и открыла бутылку Пино нуар, очень приличного вина из Напы. Мы обсудили положительные и отрицательные качества Фионы, нашей няни из Корка (кстати, тоже легальной), которая была очень привязана к обоим мальчикам, но не отличалась личной чистоплотностью. Мы посмеялись над Адамом, который сказал Фионе, что, когда вырастет, станет пожарной машиной. Отправились спать. Мы занялись любовью впервые за сто пятьдесят шесть дней. Без особой страсти, заметьте. Цивилизованно. Все в этот вечер было цивилизованно. Настолько цивилизованно, что я так и не спросил ее насчет «ленча» с Венди.

Ночь удалось проспать спокойно (чудо из чудес). Встав утром, она меня поцеловала. Предложила сделать французские тосты на завтрак (я отказался, сославшись на большое содержание углеводов). Цивилизованный разговор за мюсли и свежими манго. Приятное утреннее времяпровождение с мальчиками. Напоминание о наших планах на выходные. (*Хочу сходить в кино в Гринвиче... Вечеринка у Хартли начинается в семь. Фиона придет, чтобы посидеть с детьми... Было бы неплохо сводить мальчиков в воскресенье в «Таинственный порт»... В «Нова Скотия» большие скидки на семью. Думаю, она прекрасно пойдет под то фантастическое белое вино из Новой Зеландии, которое я открыла...*) Поцелуй в губы, когда я выходил из дому.

Я должен был почувствовать облегчение: после долгих месяцев домашних заморозков наконец наступила оттепель. И видит Бог, как мне хотелось, чтобы Бет вдруг решила, что враждебность между нами – зло и что я стою того, чтобы ей нравиться.

Но. Но. Но. Я знал, что этот резкий поворот не случаен. Что дело вовсе не во внезапном решении Бет спасти наш брак. *Я знал...*

– Что-нибудь на сегодня намечается? – спросил я, перед тем как выйти из дому.

Она на долю секунды отвела глаза. Вот теперь я знал уже наверняка.

– Может быть, я сметаюсь в «Колониальный сарай», – сказала она, имея в виду антикварный магазин в Уэстпорте, хозяин которого, весьма вероятно, считал Бет главным источником своих доходов.

– У Стива есть сейчас этот диван, о котором я тебе рассказывала. Но на него много покупателей, ведь он из кабинета Эмерсона и все такое, так что он может держать его для меня только до вечера сегодняшнего дня.

– Сколько? – спросил я.

Она снова отвела глаза:

– Тысяча четыреста пятьдесят.

– Покупай, – предложил я.

– Дорогой... – ласково сказала она и коснулась губами моих губ. – Ты такой добрый.

Я был настолько добрым, что, как только добрался до офиса, тут же позвонил в справочную службу Уэстпорта, Коннектикут, и узнал номер телефона этого антикварного сарая. Позвонил, но попал на автоответчик, который сообщил мне, что звонить стоит после того, как магазин откроется, в десять часов. Прошел час, я пытался сосредоточиться на работе, а

¹⁴ Ральф Эмерсон (1803–1882), американский эссеист, поэт и философ.

именно: на претензиях недовольной приемной дочери крупного держателя акций, у которого прошлой осенью случился обширный инфаркт, когда акции Ар-си-эй рекордно низко упали.

...в связи с тем, что указания покойного относительно долей наследства, причитающегося наследникам, не дают возможности выплатить эти деньги названным родственникам...

Я отшвырнул документ в сторону. \$315 000 в год за то, чтобы читать подобную ахинею. Я прошел к шкафу, где хранились напитки. («Всегда держи немного алкоголя в офисе, – однажды сказал мне Джек, – на случай, если нужно будет успокоить клиента, узнавшего плохие новости».) Я вытащил бутылку «Блэк Буш», налил себе виски на три пальца и выпил. Затем отправился в свою ванную комнату, тщательно вымыл стакан, почистил зубы и прополоскал рот «листерином». Запах алкоголя в десять часов утра не согласуется с нынешней трезвой корпоративной культурой. И когда виски подействовал (через девяносто секунд), настало время звонить в Уэстпорт.

– «Колониальный сарай», утро доброе. Стив у телефона.

Выговор явственно выдавал выпускника средней школы Новой Англии с примесью Файер Айленд. Я понизил голос на октаву или две и принялся растягивать гласные на манер англичан:

– Доброе утро. Возможно, вы могли бы мне помочь.

– Я постараюсь.

– Дело в том, что я пытаюсь разыскать диван для своего кабинета. Что-нибудь середины девятнадцатого века, предпочтительно американский или викторианский.

– Ну, вам здорово повезло. Я как раз приобрел совершенно фантастический диван. Сделан вручную в Бостоне в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году. Сплошной тик, резные ножки. Оригинальная обивка, совершенно великолепный бледный цветочный рисунок.

– Звучит замечательно...

– Но вы еще самого главного не слышали. Это исторический диван. Потому что у меня есть документальное подтверждение, что он когда-то принадлежал Ральфу Эмерсону.

– Тому самому Ральфу Эмерсону? Трансцендентализм и все прочее?

– Тому самому, сэр. Более того, этот диван стоял в его кабинете в доме в Конкорде.

– Надо же, – восхитился я. – Здорово!

– Настоящий коллекционный предмет, сэр. И, если позволите, очень серьезное капиталовложение.

– О какой примерно стоимости идет речь?

– Две тысячи двести, сэр. Но я должен предупредить вас, что одна моя самая лучшая клиентка проявила интерес к этому дивану...

За тысячу четыреста, во всяком случае, так она сказала. Кто же из них лжет?

– Вы хотите сказать, что вы его придерживаете? – спросил я.

– Ну... не совсем. Но она очень заинтересована. И она – серьезный коллекционер.

– Значит, если я сегодня не появлюсь, диван будет продан?

Пауза, этот засранец быстро что-то подсчитывал.

– Ну... не думаю, что она появится сегодня. Вернее, я уверен в этом... потому что она сказала мне, что не сможет приехать в Уэстпорт раньше следующей среды.

Бинго. Я почувствовал, как виски в моем желудке сделало сальто.

– Так что, – продолжил маленький говнюк, – если вы приедете до этого времени и согласитесь заплатить больше, чем предлагает она... скажем, две тысячи триста, я думаю, что продам его вам.

– Я подумаю.

Я повесил трубку. И позвонил Эстелл, чтобы попросить ни с кем меня не соединять. И снова пошел за бутылкой. Выпил еще на палец виски, за которым последовали «листерин» и «маалокс».

Что-нибудь на сегодня намечается?

Небольшая ложь вызвала у меня подозрения. Вторая ложь эти подозрения подтвердила. И была только одна-единственная вещь, которую она могла от меня скрывать, только одно, что могло заставить ее снова быть со мной ласковой.

– Вот только... *кто?* Кто этот сукин сын? Мозги мои бешено работали, перебирая друзей и знакомых. Никакого логичного подозреваемого в голову не приходило, потому что это должен быть человек, который не ездит каждый день в город и, следовательно, имеет возможность встречаться с Бет в течение дня. А поскольку каждый мужик, которого мы знали в Нью-Кройдоне и окрестностях, носил костюм и имел хорошо оплачиваемую работу на Манхэттене, это значило...

Я снова перебрал всех мужчин, которых мы знали в этом районе и которые работали дома. Билл Парселл, писатель на вольных хлебах? Человек, который хвастался, что у него есть эксклюзивный контракт с «Ридерз Дайджест»? Не может быть – он был полоумным зазнайкой с кошмарной женой по имени Ева, которая держала его, как шнауцера, на коротком поводке. Гари Саммерс – этот несостоявшийся фотограф, который жил рядом с нами? Лохматый, с козлиной бородкой и такой самодовольной улыбкой, что ее хватило бы, чтобы осветить Аляску. Бет его ненавидела. Придется его вычеркнуть. Питер Пирсон – этому за пятьдесят, прогоревший бизнесмен, который целый день играет на рынке иностранных валют в Интернете. Только если ей захочется переспать со своим папашей.

Это был полный список знакомых мне мужчин, которые не работали по найму. Может быть, она с кем-нибудь познакомилась в местном магазине? Стив из «Колониального сарая»? Тут не та сексуальная ориентация. Тони, который торгует рыбой? Какой-нибудь симпатичный парень, занимающийся доставкой покупок на дом?

Кто, черт побери? *Кто?*

Я нажал на кнопку памяти на своем телефоне. Один звонок, второй, третий... *Привет, вы позвонили Бену и Бет...*

Я в сердцах бросил трубку. Возможно, именно сейчас она его трахает. Впивается ногтями в его спину, засовывает язык ему в горло, обвивает ногами его волосатую задницу...

Кончай. Кончай. Кончай. Подумай. Может быть, дело ограничивается флиртом. Может быть, она вчера просто с кем-то пофлиртowała. Может быть, осознала, что случайный, грязный секс без взаимной любви и эмоциональной привязанности духовно бессодержателен. Или, возможно, когда перед ней встала возможность измены, она вспомнила своего улыбающегося мужа и обожаемых сыновей и не стала рисковать...

Да уж, как бы не так.

Я снова нажал на кнопку быстрого набора.

Привет, вы позвонили...

На этот раз я так швырнул трубку на телефон, что он слетел со стола. Как только он грохнулся об пол, так тут же громко зазвонил.

– У вас там все в порядке? – спросила Эстелл по интеркому.

– Не лезь не в свое дело, Эстелл, – огрызнулся я.

– Да, сэр. – Тон был обиженным. – Простите, что побеспокоила, но я только что узнала от Хидди, что мистера Майла срочно отправили в больницу.

– Ему плохо?

– Довольно плохо, мистер Брэдфорл. К сожалению. – По ее тону я понял, что, несмотря на решение Джека никому ничего не говорить, она догадалась о его диагнозе. Эстелл всегда обо всем догадывалась. – Он попросил вас заменить его в одиннадцать часов на встрече с миссис Боулс.

– Да, разумеется.

– Я так и подумала, что вы обрадуетесь.

– Приготовь огнетушитель, если вдруг станет жарко.

– Обязательно, мистер Брэдфорд. А телефон, который вы только что бросили, сломался. Я вызову ремонтника.

– Спасибо, Эстелл.

Она вошла ровно в одиннадцать. Миссис Дебора Батт Боулс. Бедная богатая девочка. Сорок пять лет, трижды разведена, будущий театральный продюсер, большую часть своей взрослой жизни провела, растрачивая пять миллионов, которые ее крайне неприятный папаша (он сделал себе состояние на трущобах) имел глупость ей оставить. Не меньше четырех раз в год она появлялась в нашей фирме, жалуясь на нищету, долги и невозможность прилично прожить на 250 тысяч в год, которые она получала от доверительного управления. Хуже того, она была из женщин, которые меняют свою внешность каждые полгода. В конце восьмидесятых она носила черные деловые костюмы от Армани с подложными плечиками. Затем переметнулась к Шанель и ее платьям для ленча. Она тогда как раз была в коротком браке с весьма сомнительным торговцем алмазами с Кипра. Пытаясь запустить пяток безнадежных постановок вдали от Бродвея, она принялась одеваться как миссис Станиславская. Теперь же...

– Привет, адвокат, – сказала она, входя в мой офис танцующей походкой.

– Здравствуйте, миссис Боулс, – сказал я, вставая и стараясь спрятать улыбку, которую вызывали ее коротко стриженные крашенные блондинистые волосы, обтягивающая футболка, черная кожаная куртка и кожаные брюки под стать куртке. С губ ее свисала незажженная сигарета «Житан». Как будто только что из Берлина. – Вы прекрасно выглядите, – сказал я, жестом приглашая ее сесть.

– Если я закурю, вы позовете охрану? – спросила она, щелкая зажигалкой.

– Я с ними справлюсь, – заверил ее я.

Она закурила.

– А куда подевался Джек?

– У мистера Майла срочное дело. Важная встреча вне офиса.

– С кем-то, кто поважнее меня, вы хотите сказать?

– Все наши клиенты для нас одинаково важны, миссис Боулс.

– Кончайте молоть ерунду, адвокат. Я ведь знаю, что вы все здесь меня терпеть не можете. Дайте даме сигару в награду за проникательность. Но я оставался невозмутимым.

– Вы одна из самых ценных наших клиенток, миссис Боулс. Как и ваш батюшка прежде.

Теперь скажите мне, чем я могу вам помочь?

– Вы точно знаете, почему я здесь.

– Возможно, проблема с наличными?

– Удачная догадка, Шерлок.

– Вы ведь знаете условия траста, миссис Боулс, – сказал я, опуская глаза на пухлую папку на моем столе. – Четыре поквартальные выплаты, не больше и не меньше, а основной капитал, боюсь, заморожен навечно. Его нельзя тронуть.

– Разумеется, я знаю условия, адвокат. Я эксперт по этим гребаным условиям. Но «Америкэн Экспресс» грозит подать на меня в суд, точно так же как и «Блумингдейл» и «Мастер-Кард». И если я не получу деньги за полугодие, правление дома сто семьдесят пять по Восточной семьдесят четвертой улице заставит меня продать мою квартиру.

– Полагаю, вы уже обращались в банк? – спросил я.

– Вы же не думаете, что я поперлась бы на Уолл-стрит, если бы банк сказал «да»?

Я снова взглянул на папку:

– Разумеется, это не первый раз, когда у вас возникают такие затруднения...

– Спасибо, что напомнили.

– И вы не выполнили обязательства по своим двум последним займам у банка.

– Со временем я с ними рассчиталась.

– Да, но только после того, как они подали на вас иск в суд, миссис Боулс. Я пытаюсь вам сказать...

– Что я в финансовой жопе. Испорченная богатая сучка, которая не может присмотреть за своими деньгами. Это все написано на вашей физиономии из Лиги плюща.

– Я не был в Лиге плюща, миссис Боулс, – возразил я. – И я вовсе не пытаюсь вас осуждать... или высказываться насчет вашей финансовой ответственности... или... гм... отсутствия оной. Я всего лишь хочу довести до вашего сведения, что, учитывая сложные отношения, которые существовали между вами и банком в прошлом, получить от него деньги в данном случае будет затруднительно...

– Готова поспорить, что такой тип, как вы, никогда бездумно и цента не истратит. Уверена, что вы предельно осторожны, предельно разумны в обращении с деньгами.

Почти три тысячи накануне за камеру, которая мне не нужна? Тысяча четыреста пятьдесят (или в самом деле две тысячи двести?) за единственный ныне существующий на планете диван Ральфа Эмерсона? Леди, единственная причина, почему я до сих пор не в глубокой финансовой жопе, заключается в том, что у меня нет вашего пристрастия к конфеткам для носа.

– Я люблю ходить по магазинам, как любой американский патриот, – сказал я.

– Вы делаете это с осторожностью, – заметила она, задирая левую ногу. – Готова поспорить, что вы и блядете с осторожностью.

– Миссис Боулс...

– Впрочем, очень может быть, что вы из осторожности и не блядете.

Опять ошибаешься, дорогуша. Два случая по одной ночи каждый. Оба далеко за городом. Оба тайных (правило номер один разумной неверности: выбирай замужних деловых женщин). Оба раза с презервативами. И верно, когда затухло возбуждение от тайной эскапады, я ощутил дикую вину, причем в обоих случаях. Я дорожу своей репутацией... но так уж вышло. Так что, если Бет разошлась с кем-то переспала, я ее прощу. Возможно.

– Я люблю свою жену, миссис Боулс.

– Не сомневаюсь, – фыркнула она.

– Но ваши банкиры вас не любят, а это означает, что для избежания финансовых неприятностей вам понадобится наша помощь. Или мое предположение ошибочно, миссис Боулс?

Своим прохладным тоном я хотел показать: если хочешь, чтобы я бросил тебе спасательный круг, кончай ерничать. Она приняла нормальную позу и скромно сказала:

– Да, сделайте, что сможете.

Я назвал ей небольшой банк, с которым наша фирма время от времени сотрудничала. Разумеется, они потребуют какие-то гарантии («Ваша квартира, к примеру»), но, возможно, поддадутся на уговоры и выдадут ей какой-то кредит до того времени, как она получит деньги за следующую четверть года.

– Это означает, – сказал я, – что следующие три месяца вам придется жить очень скромно. И я должен вас предупредить... если вы не выплатите этот долг, нашей фирме будет затруднительно рекомендовать вас какой-нибудь другой финансовой организации, если вдруг вы снова окажетесь в затруднительном положении.

– Сколько времени нужно, чтобы узнать, не придется ли мне морозить свою задницу на улице?

– Я позвоню в банк сразу же после окончания нашей беседы. К середине дня они примут решение.

Я встал, давая понять, что беседа окончена.

– От меня теперь требуется спасибо, верно? – спросила она.

– Это как вы сами решите, миссис Боулс...

Она направилась к двери, затем повернулась и с ухмылкой оглядела меня:

– Знаете что... Уверена, что ваша маленькая женушка смотрит на вас каждую ночь и думает: «Как же мне повезло».

Я почувствовал, как правая рука сжимается в кулак. Я тут же спрятал ее за спину.

– Всего доброго, миссис Боулс. Моя секретарша позвонит вам, как только мы получим ответ.

Она повернулась на каблуках и вышла. Я было потянулся к телефону, но остановил себя. Нет, не делай этого. И не тянись за бутылкой. Просто сегодня плохой день, вот и все. Очень, очень плохой день.

Я сел в кресло за письменным столом. Успокоившись, нажал кнопку интеркома:

– Эстелл...

– Вы живы-здоровы после этой встречи, мистер Брэдфорд?

– Все проще пареной репы. Но тем не менее, когда миссис Боулс позвонит, скажи ей, что банк отказался дать ей деньги... но что я ищу другие возможности. И если она страстно захочет поговорить со мной, скажи, что я уехал по делу и до меня нельзя будет добраться до середины следующей недели.

– А если она пожелает поговорить с мистером Майлом...

– Не беспокойте Джека по этому вопросу. У него сейчас забот выше головы.

– Что-нибудь еще, мистер Брэдфорд?

– Моя жена...

Через три минуты она по интеркому сообщила мне то, в чем я, собственно, не сомневался:

– Простите, мистер Брэдфорд. Никто не отвечает...

Я внезапно решил уйти из офиса. Схватил свой кейс, пальто и направился к двери. Эстелл удивленно воззрилась на меня.

– Я погано себя чувствую, – заявил я. – Решил на этом закончить.

– Может быть, нужен доктор или еще что-нибудь? – с беспокойством спросила она.

– Нет, мне бы только в койку. Что-то вроде желудочного гриппа. Сутки, и я буду в порядке. Нет ведь ничего срочного?

– Ничего такого, что не может подождать до понедельника.

– Отлично. И если позвонит моя жена... – Эстелл выжидающе смотрела на меня, – просто скажи, что я вышел. Хочу устроить ей сюрприз дома.

Я видел, что Эстелл с трудом старается удержать ползущие кверху брови.

– Как скажете, мистер Брэдфорд. Мне вызвать машину, чтобы отвезти вас на Центральный вокзал?

– Быстрее поймать внизу такси, – отказался я.

– Выздоровливайте, мистер Брэдфорд.

Она знала, что я вру.

– Постараюсь. Хороших выходных, Эстелл.

Поезд в 12.46 с Центрального вокзала был почти пустым. Пустой была и платформа в Нью-Кройдоне. Я быстро пошел по Адамс-авеню, удивляясь, что чувствую себя не на своем месте. В рабочий день в половине второго трудно встретить мужчину от двадцати до пятидесяти лет на улицах Нью-Кройдона. В это время город становится царством образованных женщин, которые, как Бет, когда-то любили сидеть на полу в общежитии какого-нибудь колледжа вроде Смит или Уеллсли, передавая друг другу трубку с гашишем, потягивая дешевое вино и давая клятвы никогда не превращаться в домохозяек в таком аккуратном пригороде, как этот.

И тем не менее все они оказались здесь, одетые в лучшие одежды а-ля-Шотландия от «Брукс-энд-бразерс» и хаки, худенькие, со все еще белоснежными зубами, все еще блестящими волосами (которые все еще стягивает черная шелковая лента). Их тридцатилетние лица все еще выражают разочарование, которое неизбежно вызывают у них мужья и дети. Просыпаются

ли они так часто, как я, в неурочный час ночью и удивляются, как вышло, что они подчинились инерции? Или попросту воспринимают Нью-Кройдон как уютное гнездышко, дарованное им судьбой? Понимая, что во вселенском масштабе у них практически нет причин для жалоб: жизнь их удобна и хорошо устроена.

Когда я свернул на свою улицу, то услышал, как в груди бьется сердце. Что, если я застану дома этого мужика? *В нашей постели.* Что, если...

Я ускорил шаг, почти бежал, но тут же заставил себя остановиться и пойти неторопясь. На Конститушн-Кресент не принято бегать в костюме, если не хочешь стать главным персонажем местных сплетен. *Тут недавно видел Бена Брэдфорда среди бела дня, так он мчался по улице, явно чем-то озадаченный. Полагаю, он наконец догадался...*

Я добрался до своей входной двери. Глубоко вздохнул. Тихо вставил ключ в замочную скважину и повернул его со всей возможной осторожностью. Прокрался внутрь и медленно закрыл за собой дверь. Сбросил пальто, сел на специально поставленную здесь скамеечку 1768 года из гостиницы в Провиденс и стянул свои тяжелые туфли. Затем, держа туфли в одной руке, я осторожно поднялся по лестнице и прошел по коридору, не сводя глаз с двери в его конце. Добравшись до нее, я потянулся к ручке, выдохнул, толкнул дверь и ввалился за ней в комнату.

Ничего. Ничего, кроме кровати, идеально застеленной лоскутным колониальным покрывалом, под головой валики под стать покрывалу, и коллекция тряпичных кукол, датированная 1784 годом, Филадельфия. Я всегда ненавидел этих блядских кукол – и уверен, что это чувство было взаимным, поскольку они тарасились на меня с явным неодобрением.

Я сел на край кровати, постарался успокоиться, услышать в тишине что-то различимое, узнаваемое, например эротические стоны или звуки поспешного одевания. Ничего. Но я все еще сомневался, поэтому обошел все комнаты. Пустой дом. Остался только подвал. Закрытая дверь. Раз, два...

Дверь распахнулась. Все чисто. Ничего, кроме моих игрушек.

Облегчения я не почувствовал. *Где она может быть?* Наверняка у него. Но где он живет? Как они встречаются? Что они делают в данный момент?

В душе появился страх. Беспомощный страх – ведь я знал, что не могу сделать ничего, только сидеть здесь и ждать ее возвращения.

Я стянул пиджак и швырнул его через комнату. Туда же полетели брюки от костюма. И моя белая рубашка и галстук. И черные носки. Одежки на тысячу баксов были свалены в кучу на полу. Затем я пошел к комоду, который стоял за тренажерами, выудил шорты и футболку, разыскал кроссовки и крутанул стойку с CD в поисках чего-то громкого, всепоглощающего. Бинго. Малер, Шестая симфония. Запись венского филармонического оркестра под управлением Бернштейна. Величавые звуки, эмоциональное *fortissimo*, освобождающее от ощущения надвигающейся беды, от сознания, что жизнь – неудачное приключение, которое надо перетерпеть. Я надел наушники, забрался на тренажер и нажал кнопку дистанционного управления магнитофоном. Темные, громовые звуки донеслись из двух динамиков. Саркастическое фырканье тромбонов. Высокий взвизг скрипок, которые вступили, открывая основную тему. Как раз когда я уже начал потеть, моего плеча коснулась рука, и я невольно вздрогнул.

– Что ты здесь делаешь? – Бет выглядела удивленной и немного обеспокоенной, застав меня в такое неурочное время дома.

Я снял наушники.

– Приболел, ушел домой, – ответил я, переводя дыхание.

Она скептически оглядела меня:

– Приболел? В самом деле?

– Что-то вроде желудочного гриппа. Почувствовал себя плохо в офисе.

– Тогда что ты делаешь на тренажере?

– Когда я сошел с поезда, все уже прошло.

Мои слова звучали малоубедительно. Она опустила глаза вниз и увидела мой мятый костюм от «Брукс Бразерз».

– Похоже, ты чертовски торопился к тренажеру.

– Все еще переживал по поводу новостей о Джеке, вот и все, – соврал я. – Вот и отыгрался на костюме.

– Я только что принесла его из чистки, – заметила она, поднимая костюм. – Выкинутые на ветер двенадцать долларов.

– Еще одна чистка нас не разорит, – заметил я. – Ну, ты это сделала?

– Что сделала? – Она выглядела встревоженной.

– Купила диван Эмерсона?

– А... ты об этом. – Она явно почувствовала облегчение. – Решила отказаться. Слишком дорого.

– Мы можем позволить себе двадцать две сотни.

– *Четырнадцать пятьдесят.*

Упс!

– Ну, мы определенно можем заплатить четырнадцать сотен пятьдесят, – сказал я. – Деньги не должны были тебя останавливать.

– Я просто старалась быть разумнее.

Бет и разумная трата денег? И солнце вращается вокруг земли.

– Значит, ты так и не ездила в Уэстпорт? – спросил я, пытаясь изобразить полное отсутствие заинтересованности.

– Мне не хотелось садиться за руль, вот я и отправилась в Стэмфорд, побродила по пассажиру.

– Купила что-нибудь симпатичное?

– Нет, просто глазела...

Чушь собачья. Бет никогда не ходила в пассаж, чтобы просто поглазеть. Теперь пришла ее очередь смущаться. Она явно гадала, понимаю ли я, что она лжет.

– Но я забрала заказанную семгу, – сказала она. – И купила бутылку этого изумительного вина из Новой Зеландии, совиньон блан «Туманная бухта».

– Где ты о нем узнала?

– Герб из винного магазина пел этому вину дифирамбы.

– Герб, как правило, знает, о чем он говорит, – заметил я. – Жду, когда можно будет попробовать.

Неловкое молчание было прервано звуком открываемой входной двери, ревом Джоша и голосом Фионы:

– Побудь здесь, слышишь?

И крик Адама в ответ:

– Я же смотрю «Улица Сезам», ты что, забыла?

– Эй, парень! – крикнул я с лестницы.

– Папа? – закричал в ответ Адам голосом, полным детского восторга.

Когда он скатился по лестнице, я нагнулся, чтобы поймать его в объятия. Затем поднял вверх.

– Ты мне подарок принес? – спросил он.

Мы с Бет переглянулись и улыбнулись. Адам готов был получать подарки ежеминутно.

– Я принес тебе себя, – ответил я.

– Никаких подарков?

Я засмеялся:

– Может быть, подарок будет завтра.

– Я хочу подарок сейчас, – заныл он.

– Как сейчас насчет «Макдоналдса»?

Бет мое предложение не понравилось.

– Но, Бен...

– Это его не убьет.

– Мы и так едим слишком много мусорной пищи.

– Обещаю заказать куриные котлетки. В них полно протеина.

– Тебе надо было подумать, прежде чем...

– Оставь, – сказал я внезапно довольно резким тоном.

Бет хотела было ответить тем же, но передумала.

– Поступай, как хочешь. Ты всегда так делаешь.

Она повернулась и пошла вверх по лестнице.

– «Макдоналдс»? – снова спросил я Адама.

– Я хочу жареную картошку, – улыбнулся он.

Наверху Фиона кормила Джоша морковным пюре. Вся его мордашка была в морковке. Фиона была живой, крупной девицей, которая всегда носила комбинезон и напоминала неприбранную кровать. Мы с ней вполне ладили, особенно с того вечера, как я неожиданно вернулся домой и застал ее в *flagrante delicto*¹⁵ на полу в гостиной с каким-то сплошь татуированным байкером из не слишком благополучного района Стэмфорда. Тот факт, что я ее не уволил, не пригрозил лишить грин-карты, превратил ее в мою верную подругу. И соответственно, она была моим домашним союзником. Бет об этом знала и жутко злилась.

– Как сегодня поживает чудовище? – спросил я.

– Ужасно. За сегодняшний день уже шесть раз до ушей обделался.

– Лучше при тебе, чем при мне.

– Вы сегодня рано вернулись домой, мистер Брэдфорд.

– Решил пораньше начать выходные.

– Наверное, здорово удивили миссис Брэдфорд.

Что она хотела этим сказать?

– Ее не было дома, – объяснил я.

– Ну, конечно, не было – сказала Фиона, пытаясь засунуть еще одну ложку оранжевой мерзости в рот Джоша. – Сегодня ведь у нее теннис, забыли?

И правда забыл. Еженедельная игра с Венди Вэггонер. Отменена. Почему Бет ничего об этом не сказала? Или Фиона пытается что-то мне сказать?

– Пап, – заныл Адам, – хочу в «Макдоналдс».

– Хозяин зовет, – сказал я, хватая бейсбольную куртку с ближайшего крючка. – Хороших тебе выходных, Фиона.

Она подняла на нас глаза:

– Будьте осторожнее, мистер Брэдфорд.

Это предупреждение? Прежде чем я успел это выяснить, она снова занялась Джошем. Я наклонился, чтобы поцеловать его. Как только мои губы коснулись его лба, он начал визжать.

Мы взяли «вольво». По дороге Адам принялся распевать свою любимую песню на этой неделе – «Самое необходимое», из нынешнего любимого мультика, диснеевского «Маугли». И я не мог не улыбнуться, глядя на своего четырехлетнего сына, чирикающего рядом.

В «Макдоналдсе» он был само очарование. Тихо и быстро съел куриные котлеты и жареную картошку, сосредоточив все свое внимание на еде. Но время от времени он все же поднимал глаза, одаривал меня широкой улыбкой и говорил «объединение» (новое слово на этой неделе). Я вспомнил прошлое и удивился тому, что мы с Бет умудрились произвести на свет такого дивного ребенка. Не будет ли он лет эдак через десять, превратившись в прыщавого,

---

¹⁵ С поличным, на месте преступления (лат.).

мрачного подростка, ненавидеть нас за то, что мы испортили ему жизнь? Перед моим мысленным взором пробежали ужасные картины: Адам, обдолбанный наркоман, выпрашивает порошок у главного наркодилера Нью-Кройдона. Садится в машину с пятью такими же обдолбанными ребятами постарше. Машина с ревом уносится в ночь. Водитель, сильно под кайфом, вжимает педаль газа в пол, и в этот момент они выскакивают на шоссе 95. Спидометр показывает восемьдесят. Водитель неожиданно засыпает за рулем. Выйдя из-под контроля, автомобиль выскакивает на разделительную полосу. Адам кричит:

– Папа!

Адам показывал мне пустой пакет из-под картошки.

– Еще.

– Достаточно, – говорю я.

– Папа, еще! – воинственно заявил он.

– А как же насчет подарка?

– Да, подарок!

Таким образом, вопрос с картошкой был решен. Пока мы возвращались на Адамс-авеню, я то и дело поглядывал в зеркало заднего вида на Адама, привязанного к детскому сиденью и смотрящего широко распахнутыми глазами на окраины Нью-Кройдона. Обожаемый четырехлетний ребенок, находящийся в полной безопасности в коконе своего детства. *Я не должен за него бояться*, сказал я себе. Но все равно боялся. Может быть, оттого, что боялся за себя. Боялся уязвимости, которую чувствовал, когда был с Адамом. Как и всем родителям, мне казалось, что, если с ним когда-нибудь что-то случится, я этого не перенесу. Вот о чем вы не узнаете, пока сами не заведете ребенка: мы зависим от детей. Они делают нас голыми и беззащитными. Потому что нам никогда никого не доводилось любить так безоговорочно.

В магазине «Игрушки Тэлли» я позволил Адаму выбрать два новых вагона для его железной дороги. Затем мы немного спустились вниз по улице и зашли в магазин «Игрушки для пап» – там продавали вина и крепкие напитки. Герб – лысый тип, который торговал в этом магазине со времен Эйзенхауэра, – стоял за прилавком.

– Привет, молодой человек, – поздоровался он с Адамом.

Адам показал ему свои новые приобретения.

Герб по достоинству оценил вагончики. Затем спросил:

– Как поживаете, мистер Брэдфорд?

– Сегодня пятница, Герб. Так что я хорошо поживаю.

– Понятно. Что я могу вам предложить?

– Бутылку «Сапфира Бомбея», литровую.

Герб повернулся, схватил бутылку этого излишне дорогого джина и поставил передо мной:

– Что-нибудь еще?

– Вермут.

– Вечер за мартини, да?

– Весь *уик-энд* за мартини.

– Тогда вам следует взять «Нойлли Прат».

– Годится. И еще бутылку совиньона блан «Туманная бухта».

– Туманная *что*?

– «Туманная бухта». Вино из Новой Зеландии. О нем прекрасные отзывы. У вас ведь оно есть, не так ли?

– Простите, мистер Брэдфорд. Никогда о нем не слышал. Но если вы хотите замечательный белый совиньон из Калифорнии...

– Нет, мне хотелось купить это вино из Новой Зеландии.

– Если у вас есть минутка, я быстро справлюсь у своего поставщика.

– Я подожду, – согласился я.

Адам тянул меня за руку к двери.

– Одну секунду.

Он взял телефонную трубку. Я пока затеял с Адамом игру: сколько бутылок дешевого вина Галло он может насчитать? Герб тем временем закончил разговор.

– Вы правы, – сказал он. – «Туманная бухта» имеется в продаже в Штатах, но только по специальному заказу. И только по два ящика на одного клиента, поскольку спрос на это вино очень большой, а поставки ограничены. Мой оптовик утверждает, что это практически самый лучший белый совињон в мире, но если вы хотите его заполучить – придется раскошелиться. Восемнадцать девяносто девять за бутылку.

По специальному заказу. Бет трахала богатого любителя вин.

– Я подумаю, – сказал я.

Когда я вернулся домой, Бет удивилась, увидав меня с литровой бутылкой джина.

– У нас уже есть джин, – заметила она.

– Ага. Джилбис. Годится с тоником, но дерьмо, если хочется мартини.

– Ты все это купил у Герба? – осторожно спросила она.

Мне очень хотелось ответить: «Да, и я также выяснил, что он не продает „Туманную бухту“». Но вместо этого я сказал:

– Да нет, купил в магазине на Пост-роуд.

Я заметил, что ее глаза остановились на небольшом магазинном пакете, который Адам прижимал к груди. «Игрушки Тэлли», магазин впритык к заведению Герба. Глупо, Брэдфорд, глупее некуда. Теперь она знает, что ты врешь. Но она ничего не сказала, скорее всего, потому, что тоже пыталась решить, догадываюсь ли я, что и она врет.

– Пожалуй, я бы с удовольствием выпила мартини, – сказала Бет.

Мы выпили по бокалу, уложили детей спать, затем еще выпили. Мартини сделали крепким и экстрасухим. Идеальный ментальный новокаин. Настолько кстати, что можно сказать, у нас выдался еще один приятный вечер. Семга, поджаренная в легком лимонно-чесночном масле, получилась первоклассной. Что касается «Туманной бухты»... настоящее совершенство. Такое идеальное вино (особенно после двух мартини), что я временно отделался от навязчивой мысли насчет того, от кого Бет получила эту бутылку, и удачно острил, заставляя ее смеяться. Особенно когда рассказывал ей о своей недавней встрече с миссис Деборой Батт Боулс и ее новой инкарнации в образе Марлен Дитрих. Может быть, все дело было в моем нервном состоянии, может быть, в выпивке или в том, что я в самом деле удачно выступал, – неважно почему, но Бет задыхалась от хохота, пока я ей рассказывал эту историю. Что, разумеется, мне очень польстило. Мне нравилось, когда она смеялась. Нравилось видеть, что она снова получает удовольствие от моего общества. И я надеялся, что, возможно, это признак того, что ничего плохого не происходит, просто я позволил своему воображению разгуляться. Это я о паранойе среднего возраста насчет другого мужика с превосходным вкусом (надо признать) относительно экзотических новозеландских вин.

– Бет... – сказал я, когда она наконец успокоилась.

– Да?

Я взял ее за руку:

– Было хорошо.

Я почувствовал, как она застыла.

– Да, – сказала она, – верно.

– Нам нужно это чаще повторять.

– Ты хочешь сказать, напиваться?

– Я хотел сказать, общаться.

Она вырвала руку:

- Не портить...
- Я ничего не хочу портить. Просто дело в том, что в последние месяцы наши отношения были далеки...
- Ничего подобного, – возразила она.
- Ну да, сегодня, после солидной выпивки...
- И вчера тоже, – напомнила она.
- Дважды за полгода. Большое дело. – Я был пьян.
- Ты не хочешь нормально общаться, ты хочешь ссориться, так?
- Разумеется, я не хочу...
- Тогда остановись. Перестань.
- Ты не понимаешь, я хочу тебе сказать...
- Думаю, что понимаю. И хочу, чтобы ты...
- Я хочу забыть про наши проблемы...
- А что, по-твоему, я пытаюсь сделать последние двадцать четыре часа?
- Но ты не хочешь обсудить...
- Нечего обсуждать...
- Надо *все* обсудить...
- Бен, почему ты не можешь просто заткнуться и позволить...
- Не смей говорить, чтобы я заткнулся.
- Я буду говорить, если ты будешь продолжать вести себя как последний урод.
- Пошла ты!
- Ну вот. Я иду спать.
- Иди спать, иди спать, – нараспев сказал я. – Уходи, отказывайся разговаривать, это все в твоём стиле. Только чтобы не решать...

Но мне не удалось закончить предложение, потому что она захлопнула за собой дверь столовой.

Вот и все наше перемирие.

Я шатаясь перебрался в гостиную, свалился на диван, нажал кнопку на пульте дистанционного контроля и тупо уставился на Си-эн-эн. Затем выругал себя за то, что я такой ублюдок, задремал и проснулся в половине второго, обнаружив на экране Кейт Бриммер (в еще более боевом виде, чем обычно), которая вела репортаж из какого-то разрушенного города в Боснии.

– ...сцены разрушения и человеческих страданий, подобные которым даже самые бывалые корреспонденты...

Кейт. Черт бы тебя побрал. Там. В самом центре событий.

Я еле дотащился до постели. Стянул с себя одежду. Лег рядом с Бет, которая спала мертвецким сном. Я прижался к ее голой спине, поцеловал шею под волосами и позволил своему языку прогуляться вниз, к плечу, и дальше, к лопатке, когда вдруг...

Язык наткнулся на что-то рваное, грубое. Такое, с чем прошлой ночью мой язык точно не встречался, когда двигался тем же маршрутом. Я потер это место указательным пальцем. Шершавое на ощупь. Я попытался разглядеть, что это такое, но было слишком темно. Поэтому я сунул руку в ящик моей прикроватной тумбочки и нащупал маленькую лампочку для чтения, которой можно пользоваться, не мешая спящему рядом человеку и не давая ему повода подать на развод. Включил лампочку и направил узкий луч на спину Бет.

И обнаружил короткую, но глубокую царапину, расположенную между левой лопаткой и позвоночником. Все еще красную, совсем свежую. Сегодняшнюю.

Глава шестая

На следующее утро Бет со мной не разговаривала. Даже после того как я извинился – многократно, – она никак не хотела простить мне вечернюю выходку. Я всегда прошу у Бет прощения. Даже когда знаю, что прав, я все равно извиняюсь. Я не выношу ее раздраженного молчания. И я всегда унижаюсь, если это требуется для восстановления мира между нами.

– Слушай, это за меня алкоголь говорил, – сказал я на кухне, наливая себе чашку кофе трясущейся рукой.

Бет продолжала молча мыть посуду после завтрака.

– Я просто пытался поговорить о вещах, которые меня волнуют.

Она перебила меня:

– Если ты допил кофе, одень Адама. Я хочу приехать в Гринвич пораньше, когда еще будет где припарковаться.

И она вышла из комнаты.

А как насчет этой клятой царапины на спине? – хотелось мне крикнуть ей вслед. Но я сдержался, как сдержался ночью и не разбудил Бет, чтобы задать несколько вопросов о том, кто ее так поцарапал. Учитывая ее нынешнее настроение, это был, скорее всего, самый неподходящий момент для обвинения в близких отношениях с другим мужчиной. Лучше придержать эту козырную карту до подходящего момента.

Поскольку была суббота, мы занялись самым что ни на есть американским времяпрепровождением: побродили по магазинам элегантного замка богатства, который называется Гринвич. Место обитания белой кости. Немыслимо без \$250 000 в год. И соответственно, там все забито представителями среднего класса. Особенно по субботам.

Мы нашли место для парковки в верхней части Гринвич-авеню – это покатый бульвар длиной в милю, на котором сгрудились торговые предприятия всех вообразимых сортов. Пошли вниз, Бет катила коляску с Джошем, я вел Адама за руку. Молчание между мной и Бет нарушал только голосок Адама:

– Ты купишь мне еще поезд для железной дороги.

Это была не просьба, утверждение.

– Скажи *«пожалуйста»*, Адам.

– Ты купишь мне еще поезд для железной дороги. Пожалуйста.

Это все еще было утверждение, и я не смог сдержать улыбку:

– Если будешь хорошо себя вести.

– И только после того как мы зайдем в детский отдел, – заявила Бет.

– Не пойдем в детский отдел, не пойдем в детский отдел, – заныл Адам.

– Тогда никаких новых поездов и вагонов, – сказал я.

Угроза подействовала. Когда мы добрались до детского отдела, Адам послушно примерил пальто из бобрика (\$65), которое выбрала для него Бет. Еще толстовку (\$22), хлопчатобумажную водолазку (\$16) и вельветовые брюки (\$28), которые, по разумению Бет, должны были украсить его осенний гардероб. Но когда мы перешли в отдел для грудных младенцев, где Бет истратила \$70 на всякую ерунду для Джоша, Адам поднял вой.

– Я хочу поезд *сейчас*, – снова заныл он.

– Подожди еще несколько минут, – попросила Бет.

– Я хочу...

– Потерпи чуть-чуть...

– Сейчас, сейчас, *сейчас*!

Адам тряхнул коляску так сильно, что Джош начал плакать. Бет крепко ударила Адама по руке.

– Плохой мальчик, плохой мальчик, – резко сказала она.

Адам завопил «*Pana!*» и кинулся мне на шею.

– Все в порядке, все в порядке, – прошептал я ему на ухо, поглаживая по голове.

– Не защищай его, – сказала Бет.

– Полегче, Бет...

– Он должен знать, что когда он плохо себя ведет...

– Все верно, все верно.

Адам в моих руках завыл громче.

– Давайте так, – предложил я. – Мы встретимся в «Банана Репаблик» через пятнадцать минут. Пусть немного успокоится.

– Как скажешь, – огрызнулась Бет и двинулась вместе с коляской Джоша в дальний угол магазина.

Когда мы вышли на улицу, Адам наконец перестал реветь.

– Мама меня ненавидит, – пожаловался он.

– Не говори глупостей, – сказал я. – Ей просто не нравится, когда ты капризничаешь. И мне не нравится тоже.

– Прости, папа.

Я поцеловал его в макушку:

– Вот и молодец.

– Железная дорога. *Пожалуйста.*

Итак, мы двинулись в игрушечный магазин и купили ему пятый по счету миниатюрный паровоз (\$14). Затем отправились в книжный отдел, где Адам выбрал для себя «Рассказы большой птицы» (\$8.99), а я наконец купил себе «Свидетельства» Ричарда Аведона (\$75) – удивительная ретроспектива его портретов, которые он сделал за пятьдесят лет. Когда мы добрались до «Банана Репаблик», Бет мерила короткий бежевый жакет. Он ей очень шел. Я подтолкнул к ней Адама. Он робко подошел и потянул ее за рукав:

– Мамочка... прости.

Она улыбнулась и поцеловала его:

– И ты прости, что я тебя шлепнула. Просто будь терпеливее, договорились?

– Ты в этом жакете потрясающе выглядишь, – заметил я.

– Очень дорогой, – возразила она.

– И сколько?

– Триста двадцать пять.

– Покупай.

– Дорогой...

– Ты ведь раздумала покупать диван, верно?

– Ну...

– Это ведь всего лишь деньги.

Она еще раз оглядела себя в зеркале, затем повернулась и поцеловала меня в губы.

– Иногда ты очень даже ничего, – сказала она. – Спасибо.

Семейный кризис предотвращен – по крайней мере, на это утро. Мы снова одна большая счастливая семья. И всего-то ушло \$623.99 плюс налог. Самая дорогая суббота за весь год. Тем не менее это дешевле, чем психотерапия.

У магазина я предложил ленч в детском ресторане дальше по улице.

– Я хочу в «Макдоналдс», – заявил Адам.

– Только не сегодня, солнышко, – ответила Бет.

– Я хочу жареной картошки.

– Ты получишь ее в ресторане, – уверил его я и сразу же пожалел.

Бет сокрушенно покачала головой:

– Бен, ты что, хочешь, чтобы он превратился в жареную картошку? Или медвежонка Барни?

– Не давите на парня, – раздался голос рядом. – От жареной картошки никто до сорока лет еще не умер.

Мы оба подняли головы. Это был Гари Саммерс. Наш сосед, пока не состоявшийся фотограф.

– Привет, люди.

Его длинные грязно-блондинистые волосы были стянуты в конский хвост. Щетина выглядела сегодня еще более модной, чем обычно. И знаменитая самодовольная ухмылка была еще шире, чем всегда, – шириной в семидесятимиллиметровый экран. Но больше всего меня удивила его одежда. Она была настолько... *для города*. Черная льняная рубашка застегнута до ворота. Черные мешковатые штаны поддерживаются широкими черными подтяжками. Черные ботинки на шнуровке. Солнцезащитные очки. Стандартный прикид для Вустер-стрит, но бросающийся в глаза на Гривич-авеню. Кстати, единственной причиной, почему Гари жил среди нас, была его неспособность пробиться в центр. Я знал, что он пытался сделать карьеру фотографа в Нью-Йорке, но потерпел неудачу. И когда его старые родители умерли, он, будучи единственным наследником, удалился в фамильный дом в Нью-Кройдоне и жил на небольшое наследство, которое досталось ему от родителей и вряд ли превышало 30 тысяч в год (как подсказывали мне профессиональное чутье и опыт работы в отделе доверительного управления), потому что отец Гари так и не сумел пробиться выше среднего эшелона в «Голубом гиганте», а это означало, что даже при очень тщательном планировании его капитал не мог превышать 600 тысяч, которые были аккуратно вложены в облигации, страховку и акции.

Ровно столько доверительного управления, чтобы покончить с его карьерой. Так когда-то сказала о нем Бет, и все в Нью-Кройдоне были согласны с ее мнением. Но хотя почти все считали его лузером, он постоянно говорил о больших планах – о скором крупном заказе от знаменитого журнала (чего никогда не случалось), о том, что он здесь временно, что скоро все продаст и переедет в Лос-Анджелес. И всегда взирал на наши полосатые костюмы и наших бойких курносых жен с нескрываемым презрением.

Я его ненавидел.

– Привет, Гари, – равнодушно сказал я.

– Доброе утро, – внесла свою лепту Бет и тут же наклонилась, чтобы решить какую-то проблему Джоша.

– Тратите деньги? – Он оглядел все наши пакеты и обратил внимание на самый большой, из книжного магазина. – Что за книга?

– Аведон, «Свидетельства».

– Хороший выбор. Эти люди, бредущие вдоль дороги, – как он умудрился снять их на нейтральном белом фоне и, тем не менее, показать всю бескрайнюю пустоту бесплодных земель Америки! Потрясающие снимки, верно?

– Да, потрясающие.

– Знаете, когда я на прошлой неделе видел Ричарда...

– Какого Ричарда? – перебил его я.

– Аведона, вот какого.

– Он что, ваш друг?

– Скорее просто знакомый. Встретил его на вечеринке у Лейбовиц.

– Энни Лейбовиц?

– Именно.

– Тоже ваша подруга?

– Ну да, мы с Энни знакомы уже много лет. Она мне сказала, что, если они с Зонтагом не вернутся в Сараево от «Вэнити фэр», она посоветует Грейдону послать меня.

Зонтаг... Грейдон... Гари Саммерс, чья последняя выставка состоялась в такой славной галерее, как ресторан «Граппа» на Адамс-авеню в Нью-Кройдоне, умудрился привлечь внимание американских интеллектуалов, не говоря уж о редакторе «Вэнити фэр».

– Так что тогда сказал вам Ричард? – спросил я.

– Папа! – вмешался Адам, дергая меня за руку. – Хочу жареной картошки.

– Нам надо идти, – добавила Бет.

– Все еще снимаете? – спросил Гари.

– Когда есть время.

– Купили что-нибудь новое и сногшибательное?

– «Кэнон EOS-1», – ответил я.

– Слышал, что эта камера очень хороша для военных репортажей. – Широкая ухмылка. –

Вы сегодня к Хартли идете?

Я кивнул.

– Тогда еще увидимся, – сказал Гари и отошел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.